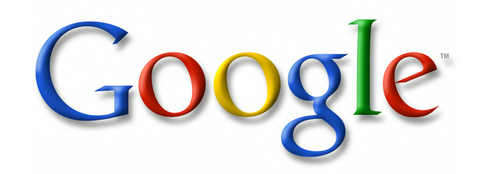
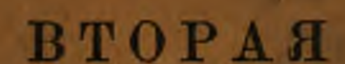

ВТОРАЯ
ССКАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

Графа Л. Н. Толстого.

16 изданіе одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для употребленія въ народныхъ училищахъ.

ИЗДАНІЕ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ.

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. домъ.
1907.

ВТОРАЯ

РУССКАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

Графа Л. Н. Толстого.

10 изданіе одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для употребленія въ народныхъ училищахъ.

ИЗДАНІЕ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ.

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Кº. Пименовская ул., соб. д.
1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ II-й КНИГИ.

Стран.

Стран.

Дѣвочка и грибы. (Быль.)

Двѣ дѣвочки шли домой съ грибами.

Имъ надо было переходить черезъ желѣзную дорогу.

Онѣ думали, что машина далеко, вылѣзли на насыпь и пошли черезъ рельсы.

Вдругъ зашумѣла машина. Старшая дѣвочка побѣжала назадъ, а меньшая перебѣжала черезъ дорогу.

Старшая дѣвочка закричала сестрѣ: „не ходи назадъ!“

Но машина была такъ близко и такъ громко шумѣла, что меньшая дѣвочка не разслышала; она подумала, что ей велятъ бѣжать назадъ. Она побѣжала назадъ черезъ рельсы, спотнулась, выронила грибы и стала подбирать ихъ.

Машина уже была близко, и машинистъ свистѣлъ что было силы.

Старшая дѣвочка кричала: „брось грибы!“, а маленькая дѣвочка думала, что ей велятъ собрать грибы, и ползала по дорогѣ.

Машинистъ не могъ удержать машины. Она свистала изо всѣхъ силъ и наѣхала на дѣвочку.

Старшая дѣвочка кричала и плакала. Всѣ проѣзжающіе смотрѣли изъ оконъ вагоновъ, а кондукторъ побѣжалъ на конецъ поѣзда, чтобы видѣть, что сдѣлалось съ дѣвочкой.

Когда поѣздъ прошелъ, всѣ увидѣли, что дѣвочка лежитъ между рельсами головой внизъ и не шевелится.

Потомъ, когда поѣздъ уже отъѣхалъ далеко, дѣвочка подняла голову, вскочила на колѣнки, собрала грибы и побѣжала къ сестрѣ.

Оселъ въ львиной шкурѣ. (Басня.)

Осёлъ надѣлъ львиную шкуру, и всѣ думали—левъ. Побѣжалъ народъ и скотина. Подулъ вѣтеръ, шкура распахнулась, и стало видно осла. Сбѣжался народъ: исколотили осла.

Какая бываетъ роса на травѣ. (Описанiе.)

Когда въ солнечное утро лѣтомъ пойдешь въ лѣсъ, то на поляхъ, въ травѣ видны алмазы. Всѣ алмазы эти блестятъ и переливаются на солнцѣ разными цвѣтами — и желтымъ, и краснымъ, и синимъ. Когда подойдёшь ближе и разглядишь, что̀ это такое, то увидишь, что это капли росы собрались въ треугольныхъ листахъ травы и блестятъ на солнцѣ.

Листокъ этой травы внутри мохнатъ и пушистъ, какъ бархатъ. И капли катаются по листку и не мочатъ его.

Когда неосторожно сорвёшь листокъ съ росинкой, то капелька скатится, какъ шарикъ свѣтлый, и не увидишь, какъ проскользнётъ мимо стебля. Бывало сорвёшь такую чашечку, потихоньку поднесёшь ко рту и выпьешь росинку, и росинка эта вкуснѣе всякаго напитка кажется.

Курица и ласточка. (Басня.)

Курица нашла змѣиныя яица и стала ихъ высиживать. Ласточка увидала и говоритъ:

„То-то, глупая! Ты ихъ выведешь, а какъ выростутъ, они тебя первую обидятъ“.

Индѣецъ и Англичанинъ. (Разсказъ).

Индѣйцы взяли на войнѣ въ плѣнъ молодого Англичанина, привязали его къ дереву и хотѣли убить.

Старый Индѣецъ подошёлъ и сказалъ: „не убивайте его, а отдайте мнѣ“.

Его отдали.

Старый Индѣецъ отвязалъ Англичанина, свёлъ въ свой шалашъ, накормилъ и положилъ ночевать.

На другое утро Индѣецъ велѣлъ Англичанину идти за собой.

Они шли долго, и когда подошли близко къ англійскому лагерю, Индѣецъ сказалъ:

„Ваши убили моего сына, я спасъ тебѣ жизнь; иди къ своимъ и убивай насъ“.

Англичанинъ удивился и сказалъ: „зачѣмъ ты смѣёшься надо мною? Я знаю, что наши убили твоего сына: убивай же меня скорѣй“.

Тогда Индѣецъ сказалъ: „когда тебя стали убивать, я вспомнилъ о своемъ сынѣ, и мнѣ стало жаль тебя. Я не смѣюсь: иди къ своимъ и убивай насъ, если хочешь“. И Индѣецъ отпустилъ Англичанина.

Олень и ланчукъ. (Васня.)

Ланчукъ*) сказалъ разъ оленю:

„Батюшка, ты и больше и рѣзвѣе собакъ, да еще и рога у тебя огромные на защиту; отчего же ты такъ боишься собакъ?“

Олень засмѣялся и говоритъ:

„Правду говоришь, дитятко! Одна бѣда: какъ только услышу собачій лай, не успѣю подумать, а ужъ бѣгу“.

Жилетка (Быль.)

Одинъ мужикъ занялся торговлей и такъ разбогатѣлъ, что сталъ первымъ богачёмъ. У него служили сотни приказчиковъ, и онъ ихъ всѣхъ и по имени не зналъ.

Пропало разъ у купца двадцать тысячъ денегъ. Стали старшіе приказчики разыскивать и разыскали того, кто укралъ деньги.

Пришёлъ старшій приказчикъ къ купцу и говоритъ: „я вора нашёлъ. Надо его въ Сибирь сослать“.

Купецъ говоритъ: „а кто укралъ?“

Старшій приказчикъ говоритъ:, „Иванъ Петровъ самъ признался“.

*) Молодой олень.

Купецъ подумалъ и говоритъ: „Ивана Петрова надо простить".

Приказчикъ удивился и говоритъ: „Какъ же простить? Этакъ и тѣ приказчики то же будутъ дѣлать: все добро растаскаютъ".

Купецъ говоритъ: „Ивана Петрова надо простить: когда я начиналъ торговать, мы съ нимъ товарищами были. Когда я женился, мнѣ подъ вѣнецъ надѣть нечего было. Онъ мнѣ свою жилетку далъ надѣть. Ивана Петрова надо простить".

Такъ и простили Ивана Петрова.

Лисица и виноградъ. (Басня.)

Лисица увидала—висятъ спѣлыя кисти винограда и стала прилаживаться, какъ бы ихъ съѣсть.

Она долго билась, но не могла достать. Чтобы досаду заглушить, она говоритъ: „зелены еще".

Удача. (Быль.)

Пріѣхали люди на островъ, гдѣ было много дорогихъ каменьевъ. Люди старались найти больше; они мало ѣли, мало спали, а все работали. Одинъ только изъ нихъ ничего не дѣлалъ, а сидѣлъ на мѣстѣ, ѣлъ, пилъ и спалъ. Когда стали собираться домой, они разбудили этого человѣка и сказали: „ты съ чѣмъ же домой поѣдешь?" Онъ взялъ—поднялъ горсть земли подъ ногами и положилъ въ сумку.

Когда всѣ пріѣхали домой, этотъ человѣкъ досталъ свою землю изъ сумки и въ ней нашелъ камень драгоцѣннѣе всѣхъ другихъ вмѣстѣ.

Работницы и пѣтухъ. (Басня.)

Хозяйка по ночамъ будила работницъ и, какъ запоютъ пѣтухи, сажала за дѣло. Работницамъ тяжело показалось, и онѣ вздумали убить пѣтуха, чтобы не будилъ хозяйки. Убили, а имъ стало хуже: хозяйка боялась проспать и еще раньше стала поднимать работницъ.

Самокрутка. (Быль.)

Одинъ мужикъ выучился мельничному мастерству и сталъ дѣлать мельницы водяныя, вѣтряныя и конныя.

Потомъ онъ задумалъ сдѣлать такую мельницу, чтобы не нужно было ни воды, ни вѣтра, ни лошадей: онъ хотѣлъ сдѣлать такъ, чтобы тяжелый камень спускался книзу и своей тяжестью вертѣлъ колесо, и опять бы поднимался кверху, и опять спускался—такъ, чтобы мельница ходила сама.

Мужикъ пошелъ къ барину и сказалъ: „я придумалъ такую мельницу-самокрутку, что сама будетъ ходить, безъ воды и безъ лошадей; только разъ завести,—она и будетъ ходить до тѣхъ поръ, пока остановишь. Нѣтъ только у меня денегъ на лѣсъ, да на чугунъ. Дай мнѣ, баринъ, триста рублей денегъ, я тебѣ первому сдѣлаю такую мельницу".

Баринъ спросилъ у мужика: знаетъ ли онъ грамотѣ.

Мужикъ сказалъ, что не знаетъ.

Тогда баринъ сказалъ: „вотъ, если бы ты зналъ грамотѣ, я бы тебѣ книжку далъ о механикѣ, и тамъ ты бы прочёлъ о такой мельницѣ и увидалъ бы, что такой мельницы сдѣлать нельзя, что много людей ученыхъ посходили съ ума—всё выдумывали такую мельницу, чтобы сама ходила".

Мужикъ не повѣрилъ барину и сказалъ: „въ книгахъ вашихъ много дурно пишутъ. Такъ-то учёный машинистъ построилъ крупорушку купцу въ городѣ, да только испортилъ; а я хоть не грамотный, да какъ взглянулъ, такъ увидалъ и переладилъ рушку—стала работать".

Баринъ сказалъ: „чѣмъ же ты подымешь свой камень, когда онъ спустится?"

Мужикъ сказалъ: „самъ по колесу поднимется".

Баринъ сказалъ: „поднимется, да ниже, а другой разъ поднимется еще ниже и станетъ, какія ты колеса ни прилаживай. Все равно, какъ если на салазкахъ съ большой горы съѣдешь—на маленькую поднимешься, а съ маленькой назадъ на большую никакъ не поднимешься".

Мужикъ не повѣрилъ, а пошёлъ къ купцу и обѣщалъ ему сдѣлать мельницу безъ воды и лошадей.

Купецъ далъ денегъ. Мужикъ строилъ, строилъ, простроилъ всѣ 300 рублей, а мельница не ходитъ.

Тогда мужикъ сталъ своё имѣніе продавать и все простроилъ.

А купецъ говоритъ: „давай мнѣ мельницу, чтобы сама ходила безъ лошадей, или деньги давай назадъ".

Пришёлъ мужикъ къ барину и разсказалъ о своёмъ горѣ.

Баринъ далъ ему денегъ и говоритъ: „оставайся у меня работать: строй ты мнѣ мельницы, только водяныя да конныя—на это ты мастеръ, а впередъ за то не берись, чего и поумнѣе тебя люди не сдѣлали".

Рыбакъ и рыбка. (Басня.)

Поймалъ рыбакъ рыбку. Рыбка и говоритъ:

„Рыбакъ, пусти меня въ воду; видишь, я мелка: тебѣ отъ меня пользы мало будетъ. А пустишь, да я выросту, тогда поймаешь—тебѣ пользы больше будетъ".

Рыбакъ и говоритъ:

„Дуракъ тотъ будетъ, кто станетъ большой пользы ждать, а малую изъ рукъ упуститъ".

Осязаніе и зрѣніе. (Разсужденіе.)

Заплети указательный палецъ съ среднимъ и заплетёнными пальцами потрогивай маленькій шарикъ такъ, чтобы онъ катался промежъ обоихъ пальцевъ, а самъ закрой глаза. Тебѣ покажется, что два шарика. Открой глаза, — увидишь, что одинъ шарикъ. Пальцы обманули, а глаза поправили.

Погляди (всего лучше сбоку) на хорошее чистое зеркало: тебѣ покажется, что это окно или дверь, и что тамъ сзади что-то есть. Ощупай пальцемъ,—увидишь, что это зеркало. Глаза обманули, а пальцы поправили.

Лисица и козелъ. (Басня.)

Захотѣлось козлу напиться: онъ слѣзъ подъ кручь къ колодцу, напился и отяжелѣлъ. Сталъ онъ выбираться назадъ и не можетъ. И сталъ онъ ревѣть. Лисица увидала и говоритъ:

„То-то безтолковый! Коли бы у тебя сколько въ бородѣ волосъ, столько бы въ головѣ ума было, ты прежде, чѣмъ слѣзать, подумалъ бы, какъ назадъ выбраться“.

Какъ мужикъ убралъ камень. (Быль).

На площади въ одномъ городѣ лежалъ огромный камень. Камень занималъ много мѣста и мѣшалъ ѣздѣ по городу. Призвали инженеровъ и спросили ихъ, какъ убрать этотъ камень и сколько это будетъ стоить?

Одинъ инженеръ сказалъ, что камень надо разбивать на куски порохомъ и потомъ по частямъ свезти его, и что это будетъ стоить 8000 рублей; другой сказалъ, что подъ камень надо подвести большой катокъ и на каткѣ свезти камень, и что это будетъ стоить 6000 рублей“.

А одинъ мужикъ сказалъ: „а я уберу камень и возьму за это 100 рублей“.

У него спросили, какъ онъ это сдѣлаетъ. И онъ сказалъ: „я выкопаю подлѣ самаго камня большую яму; землю изъ ямы развалю по площади, свалю камень въ яму и заровняю землёю“.

Мужикъ такъ и сдѣлалъ, и ему дали 100 рублей и ещё 100 рублей за умную выдумку.

Собака и ея тѣнь. (Басня.)

Собака шла по кладочкѣ черезъ рѣчку, а въ зубахъ несла мясо. Увидала она себя въ водѣ и подумала, что тамъ другая собака мясо несётъ,—она бросила своё мясо и кинулась отнимать у той собаки: того мяса вовсе не было, а своё волною унесло.

И осталась собака ни при чемъ.

Шатъ и Донъ. (Сказка.)

У старика Ивана было два сына: Шатъ Иванычъ и Донъ Иванычъ. Шатъ Иванычъ былъ старшій братъ, онъ былъ сильнѣе и больше, а Донъ Иванычъ былъ меньшій, и былъ меньше и слабѣе. Отецъ показалъ каждому дорогу и велѣлъ имъ слушаться. Шатъ Иванычъ не послушался отца и не пошёлъ по показанной дорогѣ, сбился съ пути и пропалъ. А Донъ Иванычъ слушалъ отца и шёлъ туда, куда отецъ приказывалъ. За то онъ прошёлъ всю Россію и сталъ славенъ.

Въ Тульской губерніи, въ Епифанскомъ уѣздѣ, есть деревня „Иванъ-озеро", и въ самой деревнѣ есть озеро. Изъ озера вытекаютъ въ разныя стороны два ручья. Одинъ ручей такъ узокъ, что черезъ него перешагнуть можно. Этотъ ручей называютъ Донъ. Другой ручеёкъ широкій, и его называютъ Шатъ.

Донъ идётъ всё прямо, и чѣмъ дальше онъ идётъ, тѣмъ шире становится.

Шатъ вертится съ одной стороны на другую. Донъ прошёлъ черезъ всю Россію и впалъ въ Азовское море. Въ нёмъ много рыбы, и по нёмъ ходятъ барки и пароходы.

Шатъ зашатался, не вышелъ изъ Тульской губерніи и впалъ въ рѣку Упу.

Журавль и аистъ. (Басня.)

Мужикъ разставилъ на журавлей сѣти за то, что они сбивали у него посѣвъ. Въ сѣти попались журавли, а съ журавлями одинъ аистъ.

Аистъ и говоритъ мужику:

„Ты меня отпусти: я не журавль, а аистъ; мы самыя почётныя птицы; я у твоего отца на домѣ живу. И по перу видно, что я не журавль".

Мужикъ говоритъ:

„Съ журавлями поймалъ, съ ними и зарѣжу".

Судома. (Сказка.)

Въ Псковской губерніи, въ Пороховскомъ уѣздѣ, есть рѣчка Судома, и на берегахъ этой рѣчки есть двѣ горы, другъ противъ дружки.

На одной горѣ былъ прежде городокъ Вышгородъ, на другой горѣ въ прежнія времена судились Славяне. Старики разсказываютъ, что на этой горѣ въ старину съ неба висѣла цѣпь, и что кто былъ правъ, тотъ до цѣпи доставалъ рукою, а кто былъ виноватъ, тотъ не могъ достать. Одинъ человѣкъ занялъ у другого деньги и отперся. Привели ихъ обоихъ на гору Судому и велѣли доставать до цѣпи. Тотъ, кто давалъ деньги, поднялъ руку и сразу досталъ. Пришёлъ черёдъ виноватому доставать. Онъ не отпирался, а только отдалъ свой костыль подержать тому, съ кѣмъ судился, чтобы ловчѣе было руками достать до цѣпи; протянулъ руки и досталъ. Тогда народъ удивился: какъ оба правы? А у виноватаго костыль былъ пустой, и въ костылѣ были запрятаны тѣ самыя деньги, въ какихъ онъ отпирался. Когда онъ отдалъ въ руки костыль съ деньгами подержать тому, кому онъ долженъ былъ, онъ съ костылёмъ отдалъ и деньги, и потому досталъ цѣпь.

Такъ онъ обманулъ всѣхъ. Но съ тѣхъ поръ цѣпь поднялась на небо и больше не спускалась. Такъ разсказываютъ старики.

Садовникъ и сыновья. (Басня.)

Хотѣлъ садовникъ сыновей пріучить къ садовому дѣлу. Когда онъ сталъ умирать, позвалъ ихъ и сказалъ:

«Вотъ, дѣти, когда я умру, вы въ виноградномъ саду поищите, чтò тамъ спрятано».

Дѣти подумали, что тамъ кладъ, и когда отецъ умеръ, стали рыть и всю землю перекопали. Клада не нашли, а землю въ виноградникѣ такъ хорошо перекопали, что стало плода родиться много больше. И они стали богаты.

Сова и заяцъ. (Басня.)

Смерклось. Стали совы летать въ лѣсу по оврагу, высматривать добычу.

Выскочилъ на полянку большой русакъ, сталъ охорашиваться. Старая сова посмотрѣла на русака и сѣла на сукъ, а молодая сова говоритъ: „что жъ ты зайца не ловишь?“ Старая говоритъ: «не по силамъ—великъ русакъ: ты въ него вцѣпишься, а онъ тебя уволочетъ въ чащу“. А молодая сова говоритъ: „а я одной лапой вцѣплюсь, а другой поскорѣй за дерево придержусь“.

И пустилась молодая сова за зайцемъ, вцѣпилась ему лапой въ спину такъ, что всѣ когти ушли, а другую лапу приготовила за дерево уцѣпиться. Какъ поволокъ заяцъ сову, она уцѣпилась другой лапой за дерево и думала: „не уйдетъ“. Заяцъ рванулся и разорвалъ сову. Одна лапа осталась на деревѣ, другая на спинѣ у зайца. На другой годъ охотникъ убилъ этого зайца и дивился тому, что у него въ спинѣ были заросшіе совиные когти.

Волкъ и Журавль. (Басня.)

Подавился волкъ костью и не могъ выперхнуть. Онъ подозвалъ журавля и сказалъ:

„Ну-ка, ты, журавль, у тебя шея длинная, засунь ты мнѣ въ глотку голову и вытащи кость: я тебя награжу“.

Журавль засунулъ голову, вытащилъ кость и говоритъ: „Давай же награду“.

Волкъ заскрипѣлъ зубами, да и говоритъ:

„Или тебѣ мало награды, что я тебѣ голову не откусилъ, когда она у меня въ зубахъ была?“

Орелъ. (Быль.)

Орёлъ свилъ себѣ гнѣздо на большой дорогѣ, вдали отъ моря, и вывелъ дѣтей.

Одинъ разъ подлѣ дерева работалъ народъ, а орёлъ подлеталъ къ гнѣзду съ большой рыбой въ когтяхъ. Люди увидали рыбу, окружили дерево, стали кричать и бросать въ орла каменьями.

Орёлъ выронилъ рыбу, а люди подняли её и ушли.

Орёлъ сѣлъ на край гнѣзда, а орлята подняли свои головы и стали пищать: они просили корма.

Орёлъ усталъ и не могъ летѣть опять на море; онъ спустился въ гнѣздо, прикрылъ орлятъ крыльями, ласкалъ ихъ, оправлялъ имъ пёрушки, и какъ будто просилъ ихъ, чтобы они подождали немного. Но чѣмъ больше онъ ихъ ласкалъ, тѣмъ громче они пищали.

Тогда орёлъ отлетѣлъ отъ нихъ и сѣлъ на верхній сукъ дерева.

Орлята засвистали и запищали еще жалобнѣе.

Тогда орёлъ вдругъ самъ громко закричалъ, расправилъ крылья и тяжело полетѣлъ къ морю. Онъ вернулся только поздно вечеромъ: онъ летѣлъ тихо и низко надъ землёю; въ когтяхъ у него опять была большая рыба.

Когда онъ подлеталъ къ дереву, онъ оглянулся,—нѣтъ ли опять вблизи людей, быстро сложилъ крылья и сѣлъ на край гнѣзда.

Орлята подняли головы и разинули рты, а орёлъ разорвалъ рыбу и накормилъ дѣтей.

Утка и мѣсяцъ. (Басня.)

Утка плавала по рѣкѣ, отыскивала рыбу и въ цѣлый день не нашла ни одной. Когда пришла ночь, она увидала мѣсяцъ въ водѣ, подумала, что это рыба, и нырнула, чтобы поймать мѣсяцъ. Другія утки увидали это и стали надъ ней смѣяться.

Съ тѣхъ поръ утка такъ застыдилась и заробѣла, что когда и видала рыбу подъ водой, она ужъ не ловила её, и умерла съ голода.

Медвѣдь на повозкѣ. (Басня.)

Поводырь съ медвѣдемъ подошёлъ къ кабаку, привязалъ медвѣдя къ воротамъ, а самъ вошёлъ въ кабакъ выпить. Ямщикъ на тройкѣ подъѣхалъ къ кабаку, закрутилъ коренную и тоже вошёлъ въ кабакъ. А въ телѣгѣ у ямщика были калачи. Медвѣдь учуялъ въ повозкѣ калачи, отвязался, подошёлъ къ повозкѣ, влѣзъ и сталъ шарить въ сѣнѣ. Лошади оглянулись

и шаркнули отъ кабака по дорогѣ. Медвѣдь ухватился лапами за грядки и не знаетъ, какъ ему быть. А лошади, что дальше, то пуще разгораются. Медвѣдь держится передними лапами за грядки и только голову поварачиваетъ то на ту сторону, то на другую. А лошади оглянутся-оглянутся— еще шибче катятъ по дорогѣ, подъ гору, на гору... Проѣзжіе не успѣваютъ посторaниваться. Катитъ тройка вся въ мылѣ, на телѣгѣ сидитъ медвѣдь, держится за грядки да по сторонамъ оглядывается. Видитъ медвѣдь, что дѣло плохо—убьютъ его лошади; началъ онъ ревѣть. Еще пуще лошади понеслись. Скакали-скакали, прискакали домой въ деревню. Всѣ смотрятъ, что такое скачетъ. Уткнулись лошади въ свой дворъ, въ ворота. Хозяйка глядитъ, чтò такое? Не путемъ прискакалъ хозяинъ—видно пьянъ. Выходитъ на дворъ, а съ телѣги не хозяинъ—медвѣдь лѣзетъ. Соскочилъ медвѣдь, да въ поле, да въ лѣсъ.

Волкъ въ пыли. (Басня.)

Волкъ хотѣлъ поймать изъ стада овцу и зашёлъ подъ вѣтеръ, чтобы на него несло пыль отъ стада.

Овчарная собака увидала его и говоритъ:

„Напрасно ты, волкъ, въ пыли ходишь, глаза заболятъ“. А волкъ говоритъ: „то-то и горе, собачёнька, что у меня ужъ давно глаза болятъ, а говорятъ—отъ овечьяго стада пыль хорошо глаза вылѣчиваетъ“.

Лозина. (Быль.)

На святой пошёлъ мужикъ посмотрѣть—оттаяла ли земля.

Онъ вышелъ на огородъ и коломъ ощупалъ землю. Земля раскисла. Мужикъ пошёлъ въ лѣсъ. Въ лѣсу на лозинѣ уже надулись почки. Мужикъ и подумалъ: „дай обсажу огородъ лозиной, вырастетъ—защита будетъ!“ Взялъ топоръ, нарубилъ десятокъ лозиннику, затесалъ съ толстыхъ концовъ кольями и воткнулъ въ землю.

Всѣ лозинки выпустили побѣги
сверху съ листьями и

внизу подъ землею выпустили такіе же побѣги замѣсто кореньевъ; и однѣ зацѣпились за землю и принялись, а другія неловко зацѣпились за землю кореньями — замерли и повалились.

Къ осени мужикъ порадовался на свои лозины: шесть штукъ принялись. На другую весну овцы обгрызли четыре лозины, и двѣ только остались. На другую весну и эти обгрызли овцы. Одна совсѣмъ пропала, а другая справилась, стала окореняться и разрослась деревомъ. По веснамъ пчёлы гудьмя гудѣли на лозинѣ. Въ роевщину часто на лозину сажались рои, и мужики огребали ихъ. Бабы и мужики часто завтракали и спали подъ лозиной; а ребята лазили на неё и выламывали изъ нея прутья.

Мужикъ—тотъ, что посадилъ лозину, давно уже умеръ, а она всё росла. Старшій сынъ два раза срубалъ съ нея сучья и топилъ ими. Лозина все росла. Обрубятъ её кругомъ, сдѣлаютъ шишку, а она на весну выпуститъ опять сучья; хотя и тоньше, но вдвое больше прежнихъ, какъ вихоръ у жеребенка.

И старшій сынъ пересталъ хозяйничать, и деревню сселили, а лозина все росла на чистомъ полѣ. Чужіе мужики ѣздили, рубили её—она все росла. Грозой ударило въ лозину; она справилась боковыми сучьями, и все росла и цвѣла. Одинъ мужикъ хотѣлъ срубить её на колоду, да бросилъ: она была дюже гнила. Лозина свалилась на бокъ и держалась только однимъ бокомъ, а всё росла, и всё каждый годъ прилетали пчелы обирать съ ея цвѣтовъ поноску.

Собрались разъ ребята рано весной стеречь лошадей подъ лозину. Показалось имъ холодно: они стали разводить огонь, набрали жнивья, чернобылу, хворосту. Одинъ влѣзъ на лозину, съ нея же наломалъ сучьевъ. Склали они всё въ дупло лозины и зажгли. Зашипѣла лозина, закипѣлъ въ ней сокъ, пошёлъ дымъ и сталъ перебѣгать огонь; всё нутро ея почернѣло. Сморщились молодые побѣги, цвѣты завяли. Ребята угнали домой лошадей. Обгорѣлая лозина осталась

Ребята угнали домой лошадей. Обгорѣлая лозина осталась одна въ полѣ. Прилетѣлъ чёрный воронъ, сѣлъ на нёе и закричалъ: „что, издохла, старая кочерга, давно пора было!“

Мышь подъ амбаромъ. (Басня.)

Жила одна мышь подъ амбаромъ. Въ полу амбара была дырочка, и хлѣбъ сыпался въ дырочку. Мыши житьё было хорошее, но она захотѣла похвастаться своимъ житьёмъ. Прогрызла больше дыру и назвала другихъ мышей.

„Идите, говоритъ, ко мнѣ гулять. Корму на всѣхъ достанетъ“. Когда она привела мышей, она увидала, что дыры совсѣмъ не было. Мужикъ примѣтилъ большую дыру въ полу и задѣлалъ её.

Какъ волки учатъ своихъ дѣтей. (Разсказъ).

Я шёлъ по дорогѣ и сзади себя услыхалъ крикъ. Кричалъ мальчикъ-пастухъ. Онъ бѣжалъ полемъ и на кого-то показывалъ.

Я поглядѣлъ и увидалъ—по полю бѣгутъ два волка: одинъ матерой, другой молодой. Молодой нёсъ на спинѣ зарѣзаннаго ягнёнка, а зубами держалъ его за ногу. Матерой волкъ бѣжалъ позади.

Когда я увидалъ волковъ, я вмѣстѣ съ пастухомъ побѣжалъ за ними, и мы стали кричать. На нашъ крикъ прибѣжали мужики съ собаками.

Какъ только старый волкъ увидалъ собакъ и народъ, онъ подбѣжалъ къ молодому, выхватилъ у него ягнёнка, перекинулъ себѣ на спину, и оба волка побѣжали скорѣе и скрылись изъ глазъ.

Тогда мальчикъ сталъ разсказывать, какъ было дѣло: изъ оврага выскочилъ большой волкъ, схватилъ ягнёнка, зарѣзалъ его и понёсъ.

Навстрѣчу выбѣжалъ волчёнокъ и бросился къ ягнёнку. Старый отдалъ нести ягнёнка молодому волку, а самъ налегкѣ побѣжалъ возлѣ.

Только, когда пришла бѣда, старый оставилъ ученье и самъ взялъ ягнёнка.

Зайцы и лягушки. (Басня.)

Сошлись разъ зайцы и стали плакаться на свою жизнь: „И отъ людей, и отъ собакъ, и отъ орловъ, и отъ прочихъ звѣрей погибаемъ. Ужъ лучше разъ умереть, чѣмъ въ страхѣ жить и мучиться.—Давайте, утопимся!“

И поскакали зайцы въ озеро топиться. Лягушки услыхали зайцевъ и забултыхали въ воду. Одинъ заяцъ и говоритъ:

„Стойте, ребята! Подождёмъ топиться; вотъ лягушечье житьё видно еще хуже нашего: онѣ и насъ боятся“.

Какъ тетушка разсказывала о томъ, какъ у нея былъ ручной воробей—Живчикъ. (Разсказъ.)

Въ нашемъ домѣ за ставнемъ окна воробей свилъ гнѣздо и положилъ пять яичекъ. Мы съ сёстрами смотрѣли, какъ воробей по соломинкѣ и по пёрышку носилъ за ставню и вилъ тамъ гнѣздышко. А потомъ, когда онъ положилъ туда яица, мы очень обрадовались. Воробей не сталъ больше прилетать съ пёрышками и соломой, а сѣлъ на яица. Другой воробей—намъ сказали, что одинъ мужъ, а другой жена—приносилъ женѣ червей и кормилъ её.

Черезъ нѣсколько дней мы услыхали изъ-за ставня пискъ и посмотрѣли, что сдѣлалось въ воробьиномъ гнѣздѣ; въ немъ было пять крошечныхъ голыхъ птичекъ, безъ крыльевъ и безъ перьевъ; носики у нихъ были жёлтые и мягкіе, и головы большія.

Они показались намъ очень некрасивы, и мы перестали на нихъ радоваться, а только иногда смотрѣли на то, чтò они дѣлали. Мать часто отъ нихъ улетала за кормомъ, и когда она возвращалась, воробушки съ пискомъ открывали свои жёлтые клювики, и мать одѣляла ихъ кусочками червяковъ.

Черезъ недѣлю маленькіе воробьи подросли, покрылись пухомъ и стали красивѣе, и тогда мы опять стали часто на

нихъ смотрѣть. Мы пришли утромъ къ ставню посмотрѣть нашихъ воробьевъ и увидали, что старый воробей лежитъ мёртвый подлѣ ставня. Мы догадались, что воробей сѣлъ на ночь на ставень и заснулъ, и что его раздавили, когда закрывали ставень.

Мы подняли стараго воробья и бросили въ траву. Маленькіе пищали, высовывали свои головки и открывали клювики, но ихъ некому было кормить.

Старшая сестра сказала: «вотъ у нихъ теперь нѣтъ матери, некому ихъ кормить; давайте выкормимъ ихъ»:

Мы обрадовались, взяли коробокъ, наклали въ него хлопчатой бумаги, уложили туда гнѣздо съ птичками и понесли къ себѣ наверхъ. Потомъ мы нарыли червяковъ, намочили хлѣбъ въ молокѣ и стали кормить воробушковъ. Они ѣли хорошо, трясли головками, чистили клювики объ стѣнки коробка, и всѣ были очень веселы.

Такъ мы ихъ кормили весь день и очень на нихъ радовались. На другое утро, когда мы посмотрѣли въ коробокъ, мы увидали, что самый маленькій воробушекъ лежитъ мёртвый, а лапки его запутались въ хлопчатую бумагу. Мы его выкинули и вынули всю хлопчатую бумагу, чтобы другой въ ней не запутался, и положили въ коробокъ травы и мху. Но къ вечеру еще два воробья растопырили свои перышки и раскрыли рты, закрыли глаза и тоже померли.

Черезъ два дня умеръ и четвёртый воробушекъ, и остался только одинъ. Намъ сказали, что мы ихъ окормили.

Сестра плакала о своихъ воробьяхъ и послѣдняго воробья стала кормить одна, а мы только смотрѣли. Послѣдній—пятый воробушекъ, былъ веселый, здоровый и живой; мы называли его Живчикомъ.

Этотъ Живчикъ жилъ такъ долго, что уже сталъ летать и знать свою кличку.

Когда, бывало, сестра закричитъ: «Живчикъ, Живчикъ!» онъ прилетитъ, сядетъ ей на плечо, на голову или на руку, и она его кормитъ.

Потомъ онъ выросъ и сталъ самъ кормиться. Онъ жилъ у насъ въ горницѣ наверху, улеталъ иногда въ окно, но всегда прилеталъ ночевать на свое мѣсто, въ коробокъ.

Разъ онъ утромъ никуда не полетѣлъ изъ своего коробка: перья у него стали мокрыя, и онъ ихъ растопырилъ, какъ и другіе воробьи, когда они умирали. Сестра не отходила отъ Живчика, ходила за нимъ; но онъ ничего не ѣлъ и не пилъ.

Три дня онъ былъ боленъ и на четвёртый умеръ. Когда мы увидали его мёртвымъ, на спинкѣ, съ подкорюченными лапками, мы всѣ три сестры стали такъ плакать, что мать прибѣжала наверхъ узнать: что случилось. Когда она вошла, она увидала на столѣ мёртваго воробья и поняла наше горе. Сестра нѣсколько дней не ѣла, не играла, а все плакала.

Живчика мы завернули въ наши самые лучшіе лоскутки, положили въ деревянный ящичекъ и зарыли въ саду въ ямѣ. Потомъ сдѣлали надъ его могилкой бугорокъ и положили камушекъ.

Три калача и одна баранка. (Басня).

Одному мужику захотѣлось ѣсть. Онъ купилъ калачъ и съѣлъ—ему все хотѣлось ѣсть. Онъ купилъ другой калачъ и съѣлъ,—ему все еще хотѣлось ѣсть. Онъ купилъ третій калачъ и съѣлъ,—и все ему еще хотѣлось ѣсть. Потомъ онъ купилъ баранокъ и, когда съѣлъ одну, сталъ сытъ. Тогда мужикъ ударилъ себя по головѣ и сказалъ:

«Экой я дуракъ! что-жъ я напрасно съѣлъ столько калачей!—Мнѣ бы надо сначала съѣсть одну баранку».

1000 золотыхъ. (Быль).

Богатый человѣкъ захотѣлъ отдать 1000 золотыхъ бѣднымъ, но не зналъ—какимъ бѣднымъ дать эти деньги.

Онъ пришёлъ къ священнику и говоритъ: «хочу дать 1000 золотыхъ бѣднымъ, да не знаю—кому дать. Возьмите деньги и раздайте, кому знаете».

Священникъ сказалъ: «деньги большія, я тоже не знаю,

кому дать: можетъ быть, я одному дамъ много, а другому мало. Скажите, какимъ бѣднымъ и по скольку дать вашихъ денегъ".

Богатый сказалъ: „если вы не знаете кому дать деньги, то Богъ знаетъ: кто первый бѣдный придетъ къ вамъ, тому и отдайте деньги".

Въ томъ же приходѣ жилъ бѣдный человѣкъ. У него было много дѣтей, а самъ онъ былъ боленъ и не могъ работать. Бѣдный человѣкъ читалъ разъ псалтырь и прочёлъ эти слова: *я былъ молодъ и состарѣлся, и не видалъ праведнаго оставленнаго и дѣтей его просящихъ хлѣба.*

Бѣдный подумалъ: „я вотъ оставленъ Богомъ! а я дурного ничего не сдѣлалъ. Дай пойду къ священнику, спрошу его, какъ такъ неправда сказана въ Писаніи".

Онъ пошелъ къ священнику.

Священникъ увидалъ его и сказалъ: „этотъ бѣдный первый пришелъ ко мнѣ", и отдалъ ему всѣ 1000 золотыхъ богатаго человѣка.

Петръ 1-й и мужикъ. (Быль.)

Наѣхалъ Царь Петръ на мужика въ лѣсу. Мужикъ дрова рубитъ.

Царь говоритъ: „Божья помощь, мужикъ!"

Мужикъ и говоритъ: „и то мнѣ нужна Божья помощь".

Царь спрашиваетъ: „а велика у тебя семья?"

— У меня семьи два сына да двѣ дочери.

— Ну не велико твое семейство. Куда жъ ты деньги кладешь?

— А я деньги на три части кладу: во-первыхъ—долгъ плачу, въ-другихъ—въ долгъ даю, въ-третьихъ—въ воду мечу.

Царь подумалъ и не знаетъ, что это значитъ, что старикъ и долгъ платитъ, и въ долгъ даетъ, и въ воду мечетъ.

А старикъ говоритъ: „долгъ плачу—отца-мать кормлю; въ долгъ даю—сыновей кормлю; а въ воду мечу—дочерей рощу".

Царь и говоритъ: „умная твоя голова, старичёкъ. Теперь выведи меня изъ лѣсу въ поле, я дороги не найду". Мужикъ говоритъ: „найдешь и самъ дорогу; иди прямо, потомъ сверни вправо, а потомъ влѣво, потомъ опять вправо".

Царь и говоритъ: „я этой грамоты не понимаю, ты сведи меня“.

— Мнѣ, сударь, водить некогда; намъ въ крестьянствѣ день дорого стóитъ.

— Ну дорого стоитъ, такъ я заплачу.

— А заплатишь,—пойдемъ.

Сѣли они на одноколку, поѣхали.

Сталъ дорóгою Царь мужика спрашивать: „далече ли ты, мужичёкъ, бывалъ?“

— Кое-гдѣ бывалъ.

— А видалъ ли Царя?

— Царя не видалъ, а надо-бъ посмотрѣть.

— Такъ вотъ, какъ выѣдемъ въ поле,—и увидишь Царя.

— А какъ я его узнаю?

— Всѣ безъ шапокъ будутъ;—одинъ Царь въ шапкѣ.

Вотъ пріѣхали они въ поле. Увидалъ народъ Царя—всѣ поснимали шапки. Мужикъ пялитъ глаза, а не видитъ Царя.

Вотъ онъ и спрашиваетъ: „а гдѣ же Царь?“

Говоритъ ему Петръ Алексѣевичъ: „видишь, только мы двое въ шапкахъ—кто-нибудь изъ насъ да Царь“.

Бѣшеная собака. (Быль.)

Баринъ купилъ лягаваго щенка въ городѣ и въ рукавѣ шубы привёзъ его въ деревню. Барыня полюбила щенка и въ горницахъ выхаживала его. Щенокъ выросъ; его назвали Дружкомъ.

Онъ ходилъ на охоту съ бариномъ, караулилъ домъ и игралъ съ дѣтьми.

Одинъ разъ въ садъ забѣжала дворная собака. Собака эта бѣжала прямо по дорожкѣ, хвостъ у ней былъ опущенъ, ротъ былъ открытъ и изо рта текли слюни. Дѣти были въ саду.

Баринъ увидалъ эту собаку и закричалъ:

— Дѣти! бѣгите скорѣе домой,—бѣшеная собака!

Дѣти услыхали, что кричалъ отецъ, но не видали собаки и бѣжали прямо ей навстрѣчу. Бѣшеная собака хотѣла бро-

ситься на одного изъ дѣтей, но въ это время Дружокъ кинулся на собаку и сталъ съ ней грызться.

Дѣти убѣжали, но когда Дружокъ вернулся въ домъ, онъ визжалъ, и на шеѣ у него была кровь.

Черезъ десять дней Дружокъ сталъ скученъ, не пилъ, не ѣлъ и бросился грызть щенка. Дружка заперли въ пустую горницу.

Дѣти не понимали, зачѣмъ заперли Дружка, и пошли потихоньку посмотрѣть собаку.

Они отперли дверь и стали кликать Дружка. Дружокъ чуть не сбилъ ихъ съ ногъ, выбѣжалъ на дворъ и легъ въ саду подъ кустомъ. Когда барыня увидала Дружка, она кликнула его, но Дружокъ не послушался, не замахалъ хвостомъ и не взглянулъ на неё. Глаза у него были мутные, изо рта текла слюна. Тогда барыня позвала мужа и сказала:

— Иди скорѣй! кто-то выпустилъ Дружка, онъ совсѣмъ бѣшеный. Ради Бога, сдѣлай съ нимъ что-нибудь.

Баринъ вынесъ ружьё и подошелъ къ Дружку. Онъ прицѣлился въ него, но рука тряслась у него, когда онъ цѣлился. Онъ выстрѣлилъ и не попалъ въ голову, а въ задъ.

Собака завизжала и забилась.

Баринъ подошелъ ближе, чтобы разсмотрѣть, что съ нимъ.

Весь задъ у Дружка былъ въ крови и обѣ заднія ноги перебиты. Дружокъ подползъ къ барину и сталъ лизать ему ногу. Баринъ затрясся, заплакалъ и убѣжалъ въ домъ.

Тогда кликнули охотника, и охотникъ изъ другого ружья до смерти убилъ собаку и унёсъ её.

Двѣ лошади. (Басня).

Двѣ лошади везли два воза. Передняя лошадь везла хорошо, а задняя останавливалась. На переднюю лошадь стали поклажу перекладывать съ задняго воза; когда всё переложили, задняя пошла налегкѣ и сказала передней:

— Мучься и потѣй. Что больше будешь стараться, то больше тебя будутъ мучить.

Когда пріѣхали на постоялый дворъ, хозяинъ и говоритъ:

Чѣмъ мнѣ двухъ лошадей кормить, а на одной возить, лучше одной дамъ вволю корму, а ту зарѣжу: хоть шкуру возьму.

Такъ и сдѣлалъ.

Левъ и собачка. (Быль).

Въ Лондонѣ показывали дикихъ звѣрей и за смотрѣнье брали деньгами или собаками и кошками на кормъ дикимъ звѣрямъ.

Одному человѣку захотѣлось поглядѣть звѣрей; онъ ухватилъ на улицѣ собаченку и принесъ её въ звѣринецъ. Его пустили смотрѣть, а собачёнку взяли и бросили въ клѣтку ко льву на съѣденье.

Собачка поджала хвостъ и прижалась въ уголъ клѣтки. Левъ подошелъ къ ней и понюхалъ её.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостикомъ.

Левъ тронулъ ее лапой и перевернулъ.

Собачка вскочила и стала передъ львомъ на заднія лапки.

Левъ смотрѣлъ на собачку, поворачивалъ голову со стороны на сторону и не трогалъ её.

Когда хозяинъ бросилъ льву мяса, левъ оторвалъ кусокъ и оставилъ собачкѣ.

Вечеромъ, когда левъ лёгъ спать, собачка легла подлѣ него и положила свою голову ему на лапу.

Съ тѣхъ поръ собачка жила въ одной клѣткѣ со львомъ, левъ не трогалъ её, ѣлъ кормъ, спалъ съ ней вмѣстѣ, а иногда игралъ съ ней.

Одинъ разъ баринъ пришелъ въ звѣринецъ и узналъ свою собачку; онъ сказалъ, что собачка его собственная, и попросилъ хозяина звѣринца отдать ему. Хозяинъ хотѣлъ отдать, но какъ только стали звать собачку, чтобы взять её изъ клѣтки, левъ ощетинился и зарычалъ.

Такъ прожили левъ и собачка цѣлый годъ въ одной клѣткѣ.

Черезъ годъ собачка заболѣла и издохла. Левъ пересталъ ѣсть, и всё нюхалъ, и лизалъ собачку, и трогалъ её лапой.

Когда онъ понялъ, что она умерла, онъ вдругъ вспрыгнулъ, ощетинился, сталъ хлестать себя хвостомъ по бокамъ, бросился на стѣну клѣтки и сталъ грызть засовы и полъ.

Цѣлый день онъ бился, метался по клѣткѣ и ревѣлъ, потомъ лёгъ подлѣ мёртвой собачки и затихъ. Хозяинъ хотѣлъ унести мёртвую собачку, но левъ никого не подпускалъ къ ней.

Хозяинъ думалъ, что левъ забудетъ свое горе, если ему дать другую собачку, и пустилъ къ нему въ клѣтку живую собачку; но левъ тотчасъ разорвалъ её на куски. Потомъ онъ обнялъ своими лапами мёртвую собачку и такъ лежалъ пять дней.

На шестой день левъ умеръ.

Ровное наслѣдство. (Басня.)

У одного купца было два сына. Старшій былъ любимецъ отца, и отецъ всё своё наслѣдство хотѣлъ отдать ему. Мать жалѣла меньшого сына и просила мужа не объявлять до времени сыновьямъ, какъ ихъ раздѣлять: она хотѣла какъ-нибудь сравнять двухъ сыновей. Купецъ её послушалъ и не объявлялъ своего рѣшенія.

Одинъ разъ мать сидѣла у окна и плакала; къ окну подошёлъ странникъ и спросилъ, о чёмъ она плачетъ?

Она сказала: „какъ мнѣ не плакать; оба сына мнѣ равны, а отецъ хочетъ одному сыну всё отдать, а другому ничего. Я просила мужа не объявлять своего рѣшенія сыновьямъ, пока я не придумаю, какъ помочь меньшому. Но денегъ у меня своихъ нѣтъ, и я не знаю, какъ помочь горю“.

Странникъ сказалъ: „твоему горю легко помочь; поди, объяви сыновьямъ, что старшему достанется всё богатство, а меньшому ничего; и у нихъ будетъ поровну“.

Меньшой сынъ, какъ узналъ, что у него ничего не будетъ, ушёлъ въ чужія страны и выучился мастерствамъ и наукамъ, а старшій жилъ при отцѣ и ничему не учился, потому что зналъ, что будетъ богатъ.

Когда отецъ умеръ, старшій ничего не умѣлъ дѣлать, прожилъ всё своё имѣніе, а младшій выучился наживать на чужой сторонѣ и сталъ богатъ.

Три вора. (Быль.)

Одинъ мужикъ вёлъ въ городъ продавать осла и козу.

На козѣ былъ привязанъ бубенчикъ.

Три вора увидали мужика, и одинъ сказалъ: „я украду козу, такъ что мужикъ и не замѣтитъ".

Другой воръ сказалъ: „а я изъ рукъ у мужика украду осла".

Третій сказалъ: „и это не трудно, а я такъ всё платье съ мужика украду".

Первый воръ подкрался къ козѣ, снялъ съ нея бубенчикъ и привѣсилъ къ хвосту осла, а козу увёлъ въ поле.

Мужикъ на поворотѣ оглянулся, увидалъ, что козы нѣтъ, сталъ искать.

Тогда къ нему подошёлъ второй воръ и спросилъ, чего онъ ищетъ?

Мужикъ сказалъ, что у него украли козу. Второй воръ сказалъ: „я видѣлъ твою козу: вотъ сейчасъ только въ этотъ лѣсъ пробѣжалъ человѣкъ съ козою. Его можно поймать".

Мужикъ побѣжалъ догонять козу и попросилъ вора подержать осла. Второй воръ увёлъ осла.

Когда мужикъ вернулся изъ лѣсу и увидалъ, что и осла его нѣтъ, онъ заплакалъ и пошёлъ по дорогѣ.

На дорогѣ, у пруда, увидалъ онъ—сидитъ человѣкъ и плачетъ. Мужикъ спросилъ, что съ нимъ?

Человѣкъ сказалъ, что ему велѣли отнести въ городъ мѣшокъ съ золотомъ и что онъ сѣлъ отдохнуть у пруда, заснулъ и во снѣ столкнулъ мѣшокъ въ воду.

Мужикъ спросилъ—отчего онъ не лѣзетъ доставать его?

Человѣкъ сказалъ: „я боюсь воды и не умѣю плавать, но я дамъ 20 золотыхъ тому, кто достанетъ мѣшокъ". Мужикъ обрадовался и подумалъ: мнѣ Богъ далъ счастіе за то, что

у меня украли козу и осла». Онъ раздѣлся, полѣзъ въ воду, но мѣшка съ золотомъ не нашёлъ; а когда онъ вылѣзъ изъ воды, его платья уже не было.

Это былъ третій воръ: онъ укралъ и платье.

Отецъ и сыновья. (Басня).

Отецъ приказалъ сыновьямъ, чтобы жили въ согласіи; они не слушались. Вотъ онъ велѣлъ принесть вѣникъ и говоритъ: «Сломайте!»

Сколько они ни бились, не могли сломать. Тогда отецъ развязалъ вѣникъ и велѣлъ ломать по одному пруту.

Они легко переломали прутья по одиночкѣ.

Отецъ и говоритъ:

«Такъ-то и вы: если въ согласіи жить будете, никто васъ не одолѣетъ; а если будете ссориться да все врозь,—васъ всякій легко погубитъ».

Отчего бываетъ вѣтеръ? (Разсужденіе).

Рыбы живутъ въ водѣ, а люди въ воздухѣ. Рыбамъ не слышно и не видно воды, пока сами рыбы не шевелятся, или пока вода не шевелится. И намъ также не слышно воздуха, пока мы не шевелимся, или воздухъ не шевелится.

Но какъ только мы побѣжимъ, мы слышимъ воздухъ—намъ дуетъ въ лицо; а иногда слышно, когда мы бѣжимъ, какъ воздухъ въ ушахъ свиститъ. Когда же отворимъ дверь въ теплую горницу, то всегда дуетъ вѣтеръ *низомъ* со двора въ горницу, а *верхомъ* дуетъ изъ горницы на дворъ.

Когда кто-нибудь ходитъ по комнатѣ или махаетъ платьемъ, то мы говоримъ: «онъ вѣтеръ дѣлаетъ», а когда топятъ печку, всегда въ неё дуетъ вѣтеръ. Когда на дворѣ дуетъ вѣтеръ, то онъ дуетъ цѣлые дни и ночи, иногда въ одну сторону, а иногда въ другую. Это бываетъ оттого, что гдѣ-нибудь на землѣ воздухъ очень разогрѣется, а въ другомъ мѣстѣ остынетъ—тогда и начинается вѣтеръ, и низомъ идетъ холодный духъ, а верхомъ тёплый, такъ же какъ съ надворья въ избу.

И до тѣхъ поръ дуетъ, пока не согрѣется тамъ, гдѣ было холодно, и не остынетъ тамъ, гдѣ было жарко.

Для чего дуетъ вѣтеръ? (Разсужденіе).

Свяжутъ крестъ изъ двухъ лучинъ и кругомъ креста обвяжутъ еще четыре лучины. На всё наклеятъ бумаги. Къ одному концу привяжутъ мочальный хвостъ, а къ другому привяжутъ длинную бичёвку, и выйдетъ змѣй. Потомъ возьмутъ змѣй, разбѣгутся на вѣтеръ и пустятъ, вѣтеръ подхватитъ змѣй, занесетъ его высоко въ небо. И змѣй подрагивать и гудитъ, и рвется, и поворачивается и развѣвается мочальнымъ хвостомъ.

Если бы не было вѣтра, нельзя бы было пускать змѣя.

Сдѣлаютъ изъ тёза четыре крыла, утвердятъ ихъ крестомъ въ валъ и придѣлаютъ къ валу шестерни и колёса съ кулачьями, такъ чтобы, когда валъ вертится, онъ бы цѣплялъ за шестерни и колёса, а колеса бы вертѣли жёрновъ. Потомъ крылья поставятъ противъ вѣтра: крылья начнутъ вертѣться, станутъ шестерни и колеса цѣплять другъ за друга, и жёрновъ станетъ вертѣться на другомъ жёрновѣ. И тогда сыплютъ зерно промежду двухъ жёрнововъ; зерно растирается и высыпается въ ковшъ мука.

Если бы вѣтра не было, нельзя бы было молоть зерно на вѣтряныхъ мельницахъ.

Когда плывутъ на лодкѣ и хотятъ плыть скорѣе, то возьмутъ, на серединѣ лодки, вставятъ въ дыру большой шестъ, къ шесту этому придѣлана поперёкъ перекладина. Къ этой перекладинѣ прикрѣпятъ холстинный парусъ, къ низу паруса привяжутъ веревку и держатъ её въ рукахъ. Потомъ поставятъ парусъ противъ вѣтра. И тогда вѣтеръ надуетъ парусъ такъ крѣпко, что лодка нагибается на бокъ, верёвка рвётся изъ рукъ, и лодка поплыветъ по вѣтру такъ скоро, что подъ носомъ лодки забурчитъ вода, и берега точно бѣгутъ назадъ мимо лодки.

Если бы не было вѣтра, нельзя бы было плавать съ парусомъ.

Тамъ, гдѣ люди живутъ, бываетъ дурной духъ; еслибы не было вѣтра, духъ этотъ такъ и оставался бы. А придётъ вѣтеръ, разгонитъ дурной духъ и принесётъ изъ лѣсовъ и съ полей хорошій, чистый воздухъ. Если бы не было вѣтра, люди бы надышали и испортили воздухъ. Воздухъ всё бы стоялъ на мѣстѣ и людямъ надо бы уходить изъ того мѣста, гдѣ они надышали.

Когда дикіе звѣри ходятъ по лѣсамъ и полямъ, то они всегда ходятъ на вѣтеръ, и слышатъ ушами, и чуютъ носомъ то, что впереди ихъ. Если бы не было вѣтра, они бы не знали, куда имъ идти.

Почти всѣ травы, кусты и деревья такіе, что для того, чтобы на травѣ, кустѣ или деревѣ завязалось сѣмя, нужно, чтобы съ одного цвѣтка пыль перелетала на другой цвѣтокъ. Цвѣтки бываютъ далеко другъ отъ друга, и имъ нельзя пересылать свою пыль съ одного на другой.

Когда огурцы растутъ въ парникахъ, гдѣ вѣтра нѣтъ, тогда люди сами срываютъ одинъ цвѣтокъ и накладываютъ на другой, чтобы цвѣтовая пыль попала на плодовой цвѣтокъ и была бы *завязь*. Пчёлы и другія насѣкомыя иногда переносятъ на лапкахъ пыль съ цвѣтка на цвѣтокъ, но больше всего пыль эту переноситъ вѣтеръ. Если бы не было вѣтра, половина растеній была бы безъ сѣмени.

Въ тёплое время надъ водою поднимается паръ. Паръ этотъ поднимается выше, и когда онъ остынетъ наверху, то падаетъ внизъ каплями дождя.

Надъ землёй поднимается паръ только тамъ, гдѣ есть вода,—надъ ручьями, надъ болотами, надъ прудами и рѣками, больше всего надъ моремъ. Если бы вѣтра не было, пары не ходили бы, а собирались бы въ тучи надъ водой и падали бы опять тамъ, гдѣ поднялись. Надъ ручьёмъ, надъ болотомъ, надъ рѣкой, надъ моремъ былъ бы дождь, а на землѣ, на поляхъ и лѣсахъ дождя бы не было. Вѣтеръ разноситъ тучи и поливаетъ землю. Если бы вѣтра не было, то гдѣ вода, тамъ бы было еще больше воды, а земля вся бы пересохла.

Самыя лучшія груши. (Басня.)

Одинъ баринъ послалъ слугу за грушами и сказалъ ему: „купи мнѣ самыхъ хорошихъ". Слуга пришелъ въ лавку и спросилъ грушъ. Купецъ подалъ ему, но слуга сказалъ:

„Нѣтъ, дайте мнѣ самыхъ лучшихъ".

Купецъ сказалъ:

„Отвѣдай одну, ты увидишь, что всѣ хороши".

„Какъ я узнаю", сказалъ слуга, „что онѣ всѣ хороши, если отвѣдаю только одну?"

Онъ откусилъ понемногу отъ каждой груши и принёсъ ихъ барину. Тогда баринъ прогналъ его.

Волга и Вазуза. (Сказка.)

Были двѣ сестры: Волга и Вазуза. Онѣ стали спорить, кто изъ нихъ умнѣе и кто лучше проживётъ.

Волга сказала: „зачѣмъ намъ спорить,—мы обѣ на возрастѣ. Давай выйдемъ завтра поутру изъ дому и пойдёмъ каждая своей дорогой; тогда увидимъ, кто изъ двухъ лучше пройдётъ и скорѣе придётъ въ Хвалынское царство".

Вазуза согласилась, но обманула Волгу. Только что Волга заснула, Вазуза ночью побѣжала прямой дорогой въ Хвалынское царство.

Когда Волга встала и увидала , что сестра ея ушла, она ни тихо, ни скоро пошла своей дорогой и догнала Вазузу.

Вазуза испугалась, чтобы Волга не наказала ея; назвалась меньшой сестрой и попросила Волгу довести её до Хвалынскаго царства. Волга простила сестру и взяла съ собой.

Рѣка Волга начинается въ Осташковскомъ уѣздѣ изъ болотъ въ деревнѣ Волго. Тамъ есть небольшой колодезь, изъ него течётъ Волга. А рѣка Вазуза начинается въ горахъ. Вазуза течётъ прямо, а Волга поворачиваетъ.

Вазуза весною раньше ломаетъ лёдъ и проходитъ, а Волга позднѣе. Но когда обѣ рѣки сходятся, въ Волгѣ уже 30 саженей ширины, а Вазуза еще узкая и маленькая рѣчка.

Волга проходитъ черезъ всю Россію на три тысячи сто шестьдесятъ вёрстъ и впадаетъ въ Хвалынское (Каспійское) море. И ширины въ ней въ полую воду бываетъ до двѣнадцати верстъ.

Теленокъ на льду. (Басня).

Теленокъ скакалъ по закуткѣ и выучился дѣлать круги и повороты. Когда пришла зима, телёнка выпустили съ другою скотиною на ледъ къ водопою. Всѣ коровы осторожно подошли къ корыту, а теленокъ разбѣжался на ледъ, загнулъ хвостъ, приложилъ уши и сталъ кружить. На первомъ же кругу нога его раскатилась, и онъ ударился головою о корыто.

Онъ заревѣлъ:

«Несчастный я! По колѣно въ соломѣ скакалъ,—не падалъ, а тутъ на гладкомъ поскользнулся».

Старая корова сказала:

«Кабы ты былъ не телёнокъ, ты бы зналъ, что гдѣ легче скакать, тамъ труднѣе держаться».

Золотоволосая царевна. (Сказка).

Въ Индіи была одна царевна съ золотыми волосами; у нея была злая мачиха. Мачиха возненавидѣла золотоволосую надчерицу и уговорила царя сослать её въ пустыню. Золотоволосую свели далеко въ пустыню и бросили. На пятый день золотоволосая царевна вернулась верхомъ на львѣ назадъ къ своему отцу.

Тогда мачиха уговорила царя сослать золотоволосую падчерицу въ дикія горы, гдѣ жили только коршуны. Коршуны на четвертый день принесли её назадъ.

Тогда мачиха сослала царевну на островъ среди моря. Рыбаки увидали золотоволосую царевну и на шестой день привели ее назадъ къ царю.

Тогда мачиха велѣла на дворѣ вырыть глубокій колодезь, опустила золотоволосую царевну и засыпала землёй.

Черезъ шесть дней изъ того мѣста, куда зарыли царевну, засвѣтился свѣтъ, и когда царь велѣлъ раскопать землю, тамъ нашли золотоволосую царевну.

Тогда мачеха велѣла выдолбить колоду тутоваго*) дерева, задѣлала туда царевну и пустила её по морю.

На девятый день море принесло золотоволосую царевну въ Японскую землю, и тамъ её Японцы вынули изъ колоды. Она была жива.

Но какъ только она вышла на берегъ, она умерла, и изъ нея сдѣлался шелковичный червь.

Шелковичный червь всползъ на тутовое дерево и сталъ ѣсть тутовый листъ. Когда онъ повыросъ, онъ вдругъ сдѣлался мёртвымъ: не ѣлъ и не шевелился.

На пятый день, въ тотъ самый срокъ, какъ царевну принёсъ левъ изъ пустыни, — червь ожилъ и опять сталъ ѣсть листъ.

Когда червь опять повыросъ, онъ опять умеръ, и на четвёртый день, въ тотъ самый срокъ, какъ коршуны принесли царевну, червь ожилъ и опять сталъ ѣсть.

И опять умеръ, и въ тотъ самый срокъ, какъ царевна вернулась на лодкѣ, опять ожилъ.

И опять умеръ въ четвертый разъ и ожилъ на шестой день, когда царевну выкопали изъ колодца.

И опять въ послѣдній разъ умеръ, и на девятый день, въ тотъ самый срокъ, какъ царевна приплыла въ Японію, ожилъ въ золотой, шелковой куколкѣ. Изъ куколки вылетѣла бабочка и положила яички, а изъ яичекъ вывелись черви и повелись въ Японіи. Черви пять разъ засыпаютъ и пять разъ оживаютъ.

Японцы разводятъ много червей, дѣлаютъ много шёлка; и первый сонъ червя называется *сномъ льва,* второй — *сномъ коршуна,* третій — *сномъ лодки,* четвертый — *сномъ двора* и пятый — *сномъ колоды.*

---

*) На тутовомъ деревѣ растутъ ягоды — похожи на малину, а листъ похожъ на березовый; этимъ листомъ кормятъ шелковичныхъ червей.

Соколъ и Пѣтухъ. (Басня.)

Соколъ привыкъ къ хозяину и ходилъ на руку, когда его кликали; пѣтухъ бѣгалъ отъ хозяина и кричалъ, когда къ нему подходили. Соколъ и говоритъ пѣтуху:

„Въ васъ, пѣтухахъ, нѣтъ благодарности; видна холопская порода. Вы, только когда голодны, идёте къ хозяевамъ. То ли дѣло мы, дикая птица: въ насъ и силы много, и летать мы можемъ быстрѣе всѣхъ; а мы не бѣгаемъ отъ людей, а сами еще ходимъ къ нимъ на руку, когда насъ кличутъ. Мы помнимъ, что они кормятъ насъ".

Пѣтухъ и говоритъ:

„Вы не бѣгаете отъ людей оттого, что никогда не видали жаренаго сокола, а мы то и дѣло видимъ жареныхъ пѣтуховъ".

Тепло. (Разсужденіе.)

I.

Отчего на чугункѣ кладутъ рельсы такъ, чтобы концы не сходились съ концами?

Оттого, что зимой желѣзо отъ холода сжимается, а лѣтомъ отъ жару растягивается. Если бы зимой вплотную сомкнуть рельсы концы съ концами, они бы лѣтомъ растянулись, упёрлись бы другъ въ друга и поднялись.

Отъ жару всё раздается, отъ холода всё сжимается.

Если винтъ не входитъ въ гайку, то погрѣть гайку, и винтъ взойдетъ. А если винтъ слабъ, то нагрѣть винтъ, и онъ будетъ тугъ.

Отчего стаканъ лопается, если нальёшь въ него кипятокъ?

Оттого, что то мѣсто, гдѣ кипятокъ, разогрѣвается, растягивается, а то мѣсто, гдѣ нѣтъ кипятка, остаётся попрежнему: внизу тянетъ стаканъ врозь, а вверху не пускаетъ, и онъ лопается.

II.

Отчего, когда въ оттепель идётъ снѣгъ, онъ таетъ на рукѣ, а на шубѣ остается?

Оттого, что тепло лица и руки переходитъ въ снѣгъ и распускаетъ его; отъ этого то мѣсто лица, гдѣ растаялъ снѣгъ, дѣлается холодно.

Отчего, если подержать жестяную кружку съ холодной водой въ ладоняхъ, вода согрѣется, а ладони охолодѣютъ?

Оттого, что тепло изъ рукъ перейдетъ въ жесть, а потомъ въ воду.

Если держать кружку рукавицами, отчего она не скоро согрѣвается?

Оттого, что рукавицы не позволяютъ теплу изъ руки перейти въ воду, а жесть пропускаетъ тепло изъ рукъ въ воду. Желѣзо и жесть пропускаютъ тепло и холодъ, а шуба и дерево не пропускаютъ. Отъ этого желѣзо, жесть, мѣдь и всякій металлъ*) разогрѣваются на солнцѣ сильнѣе дерева, шерсти, бумаги и скорѣе остываютъ. Отъ этого-то въ холода одѣваются въ мѣха, шерсть и во всё, что не пропускаетъ тепла.

Для чего закрываютъ квашню шубой, а не заслонкой?

Для того, что шуба не пропуститъ тепла и хлѣбы (квашни) не остынутъ, а заслонка пропуститъ тепло наружу и хлѣбы остынутъ.

Отчего подъ щепой и соломой снѣгъ не таетъ, а лежитъ до Петровокъ?

Отчего лёдъ лучше держится въ погребахъ подъ соломенной крышей?

Отчего, когда хотятъ высушить доски, то кладутъ ихъ подъ желѣзную, а не подъ соломенную крышу?

Для чего на покосѣ и жнитвѣ мужики, чтобы не согрѣлась вода, обёртываютъ кувшины полотенцемъ?

III.

Отчего, когда вѣтрено безъ мороза, то зябнешь больше, чѣмъ въ морозъ безъ вѣтра?

---

*) Металлы: золото, серебро, мѣдь, желѣзо, олово, ртуть и другіе.

Оттого, что тепло изъ тѣла переходитъ въ воздухъ и если тихо, то воздухъ вокругъ тѣла нагрѣвается и стоитъ тёплый. Но когда дуетъ вѣтеръ, онъ относитъ нагрѣтый воздухъ и приноситъ холодный. Опять изъ тѣла выходитъ тепло и нагрѣваетъ воздухъ вокругъ него, и опять вѣтеръ относитъ тёплый воздухъ. Когда выйдетъ много тепла изъ тѣла, тогда и зябнешь.

Отчего, когда горячъ чай въ чашкѣ, на него дуютъ?

Шакалы и слонъ. (Басня.)

Шакалы*) поѣли всю падаль въ лѣсу, и имъ нечего стало ѣсть. Вотъ старый шакалъ и придумалъ, какъ имъ прокормиться. Пошёлъ онъ къ слону и говоритъ:

„Былъ у насъ царь, да избаловался: приказывалъ намъ дѣлать такія дѣла, какихъ нельзя исполнить: хотимъ мы другого царя выбрать—и послалъ меня нашъ народъ просить тебя въ цари. У насъ житьё хорошее: что велишь, всё то будемъ дѣлать и почитать тебя во всёмъ будемъ. Пойдёмъ въ наше царство“. Слонъ согласился и пошёлъ за шакаломъ. Шакалъ привёлъ его въ болото. Когда слонъ завязъ, шакалъ и говоритъ:

„Теперь приказывай: что̀ велишь, то и будемъ дѣлать“.

Слонъ сказалъ:

„Я приказываю вытащить меня отсюда“.

Шакалъ разсмѣялся и говоритъ: „хватайся хоботомъ мнѣ за хвостъ,—сейчасъ вытащу“.

Слонъ говоритъ:

„Развѣ можно меня хвостомъ вытащить?“

А шакалъ и говоритъ: „такъ зачѣмъ же ты приказываешь, чего нельзя сдѣлать? Мы и перваго царя за то прогнали, что онъ приказывалъ то, чего нельзя дѣлать“.

Когда слонъ издохъ въ болотѣ, шакалы пришли и съѣли его.

---

*) Звѣри, похожіе на маленькихъ волковъ.

Магнитъ. (Описанiе.)

Въ старину былъ пастухъ; звали его Магнисъ. Пропала у Магниса овца. Онъ пошёлъ въ горы искать. Пришёлъ на одно мѣсто, гдѣ одни голые камни. Онъ пошёлъ по этимъ камнямъ и чувствуетъ, что сапоги на нёмъ прилипаютъ къ этимъ камнямъ. Онъ потрогалъ рукой—камни сухiе и къ рукамъ не липнутъ. Пошёлъ опять,—опять сапоги прилипаютъ. Онъ сѣлъ, разулся, взялъ сапогъ въ руки и сталъ трогать имъ камни.

Тронетъ кожей и подошвой — не прилипаютъ, а какъ тронетъ гвоздями, такъ прилипнетъ.

Была у Магниса палка съ желѣзнымъ наконечникомъ. Онъ тронулъ камень деревомъ—не прилипаетъ; тронулъ желѣзомъ—прилипло такъ, что отрывать надо.

Магнисъ разсмотрѣлъ камень,—видитъ, что похожъ на желѣзо, и принесъ куски камня домой. Съ тѣхъ поръ узнали этотъ камень и прозвали его магнитомъ.

Магнитъ находятъ въ землѣ съ желѣзной рудой. Тамъ, гдѣ есть магнитъ въ рудѣ, и желѣзо самое лучшее. Изъ себя магнитъ похожъ на желѣзо.

Если положить кусокъ желѣза на магнитъ, то и желѣзо станетъ притягивать другое желѣзо. А если положить стальную иголку на магнитъ, да подержать подольше, то иголка сдѣлается магнитомъ и станетъ къ себѣ притягивать желѣзо. Если два магнита сводить концы съ концами, то одни концы будутъ отворачиваться другъ отъ друга, а другiе будутъ сцѣпляться.

Если одну магнитную палочку разрубить пополамъ, то опять каждая половинка будетъ съ одной стороны цѣпляться, а съ другой отворачиваться. И ещё разруби—то же будетъ, и ещё руби сколько хочешь, — всё то же будетъ: одинакiе концы будутъ отворачиваться, разные цѣпляться, какъ будто съ одного конца магнитъ выпираетъ, а съ другого втягиваетъ. И какъ его ни разломи, всё съ одного конца онъ

будетъ випирать, а съ другого втягивать, все равно какъ еловую шишку, гдѣ ни разломи, всё будетъ съ одного конца пупомъ, а съ другого чашечкой. Съ того ли, съ другого ли конца,—чашечка съ пупомъ сойдётся, а пупъ съ пупомъ и чашечка съ чашечкой не сойдутся.

Если намагнитить иголку (подержать подольше съ магнитомъ) и насадить её серединкой на шпенёкъ такъ, чтобы она ходила вольно на шпенькѣ, то какъ хочешь верти магнитную иголку, какъ пустишь, она станетъ однимъ концомъ на полдень (югъ), другимъ на полночь (сѣверъ).

Когда не знали магнита, по морю не плавали далеко. Какъ выйдутъ далеко въ море, что земли не видать, то только по солнцу и по звѣздамъ и знали куда плыть. А если пасмурно, не видать солнца и звѣздъ, то и не знаютъ сами куда плыть. А корабль несётъ вѣтромъ и занесётъ на камни и разобьётъ.

Пока не знали магнита, не плавали по морямъ вдаль отъ берега; а когда узнали магнитъ, то сдѣлали иголку магнитную на шпенькѣ, чтобы она вольно ходила. По этой иголкѣ и стали узнавать, въ какую сторону плывутъ. Съ магнитной иголкой стали ѣздить дальше отъ береговъ, и съ тѣхъ поръ много новыхъ морей узнали.

На корабляхъ всегда бываетъ магнитная иголка (компасъ) и есть мѣрная верёвка съ узлами на концѣ корабля. И верёвка придѣлана такъ, что она разматывается и по ней видно, сколько корабль проѣхалъ.

Такъ что, когда плывутъ на кораблѣ, всегда знаютъ, на какомъ теперь мѣстѣ корабль, далеко ли отъ берега и въ какую сторону.

Цапля, рыбы и ракъ. (Басня.)

Жила цапля у пруда и состарѣлась; не стало уже въ ней силы ловить рыбу. Стала она придумывать, какъ бы ей хитростью прожить. Она и говоритъ рыбамъ: „а вы, рыбы, не знаете, что на васъ бѣда собирается: слышала я отъ людей,

хотятъ они прудъ спустить и васъ всѣхъ повыловить. Знаю я, тутъ за горой хорошъ прудокъ есть. Я бы помогла, да стара стала: тяжело летать“ Рыбы стали просить цаплю, чтобъ помогла.

Цапля и говоритъ:

„Пожалуй, постараюсь для васъ—перенесу васъ, только вдругъ не могу, а по-одиночкѣ“.

Вотъ рыбы и рады; всѣ просятъ: „меня отнеси, меня отнеси!“

И принялась цапля носить ихъ: возьмётъ, вынесетъ въ поле да и съѣстъ. И переѣла она такъ много рыбъ.

Жилъ въ пруду старый ракъ. Какъ стала цапля выносить рыбу, онъ смекнулъ дѣло и говоритъ:

„Ну, теперь, цапля, и меня снеси на новоселье“.

Цапля взяла рака и понесла. Какъ вылетѣла она на поле, хотѣла сбросить рака. Но ракъ увидалъ рыбьи косточки на полѣ, стиснулъ клещами цаплю за шею и удавилъ её, а самъ приползъ назадъ къ пруду и разсказалъ рыбамъ.

Какъ дядя разсказывалъ про то, какъ онъ ѣздилъ верхомъ. (Разсказъ.)

У насъ былъ старый старикъ, Пименъ Тимоѳеичъ. Ему было 90 лѣтъ. Онъ жилъ у своего внука безъ дѣла. Спина у него была согнутая, онъ ходилъ съ палкой и тихо передвигалъ ногами. Зубовъ у него совсѣмъ не было, лицо было сморщенное. Нижняя губа его тряслась; когда онъ ходилъ и когда говорилъ, онъ шлёпалъ губами, и нельзя было понять, что́ онъ говоритъ.

Насъ было четыре брата, и всѣ мы любили ѣздить верхомъ. Но смирныхъ лошадей у насъ для ѣзды не было. Только на одной старой лошади намъ позволяли ѣздить: эту лошадь звали Воронокъ.

Одинъ разъ матушка позволила намъ ѣздить верхомъ, и мы всѣ пошли въ конюшню съ дядькой. Кучеръ осѣдлалъ намъ Воронка, и первый поѣхалъ старшій братъ. Онъ дол

го ѣздилъ: ѣздилъ на гумно и кругомъ сада, и когда онъ подъѣзжалъ назадъ, мы закричали: „ну, теперь проскачи!“

Старшій братъ сталъ бить Воронка ногами и хлыстомъ, и Воронокъ проскакалъ мимо насъ.

Послѣ старшаго сѣлъ другой братъ, и онъ ѣздилъ долго и тоже хлыстомъ разогналъ Воронка и проскакалъ изъ-подъ горы. Онъ ещё хотѣлъ ѣздить, но третій братъ просилъ, чтобы онъ поскорѣе пустилъ его. Третій братъ проѣхалъ и на гумно, и вокругъ сада, да ещё и по деревнѣ, и шибко проскакалъ изъ-подъ горы къ конюшнѣ. Когда онъ подъѣхалъ къ намъ, Воронокъ сопѣлъ, а шея и лопатки потемнѣли у него отъ пота.

Когда пришёлъ мой черёдъ, я хотѣлъ удивить братьевъ и показать имъ, какъ я хорошо ѣзжу,—сталъ погонять Воронка изо всѣхъ силъ, но Воронокъ не хотѣлъ идти отъ конюшни. И сколько я ни колотилъ его, онъ не хотѣлъ скакать, а шёлъ шагомъ и то всё заворачивалъ назадъ. Я злился на лошадь и изо всѣхъ силъ билъ ее хлыстомъ и ногами.

Я старался бить ее въ тѣ мѣста, гдѣ ей больнѣе, сломалъ хлыстъ и остаткомъ хлыста сталъ бить по головѣ. Но Воронокъ все не хотѣлъ скакать. Тогда я поворотилъ назадъ, подъѣхалъ къ дядькѣ и попросилъ хлыстика покрѣпче. Но дядька сказалъ мнѣ:

„Будетъ вамъ ѣздить, сударь, слѣзайте. Что лошадь мучить?“

Я обидѣлся и сказалъ: „какъ же, я совсѣмъ не ѣздилъ? Посмотри, какъ я сейчасъ проскачу! Дай, пожалуйста, мнѣ хлыстъ покрѣпче. Я его разожгу“.

Тогда дядька покачалъ головой и сказалъ:

— „Ахъ, сударь, жалости въ васъ нѣтъ. Что его разжигать? Вѣдь ему 20 лѣтъ. Лошадь измучена, насилу дышетъ, да и стара. Вѣдь она какая старая? Все равно какъ Пименъ Тимоѳеичъ. Вы бы сѣли на Тимоѳеича, да такъ-то чрезъ силу погоняли бы его хлыстомъ. Что же вамъ не жалко бы было?“

Я вспомнилъ про Пимена и послушалъ дядьку. Я слѣзъ съ лошади, и, когда я посмотрѣлъ, какъ она носила потны-

ми боками, тяжело дышала ноздрями и помахивала облѣзшимъ хвостикомъ, я понялъ, что лошади трудно было. А то я думалъ, что ей было такъ же весело, какъ мнѣ. Мнѣ такъ жалко стало Воронка, что я сталъ цѣловать его въ потную шею и просить у него прощенія за то, что я его билъ.

Съ тѣхъ поръ я выросъ большой и всегда жалѣю лошадей и всегда вспоминаю Воронка и Пимена Тимоѳеича, когда вижу, что мучаютъ лошадей.

Ежъ и Заяцъ. (Басня.)

Повстрѣчалъ заяцъ ежа и говоритъ:

„Всѣмъ бы ты хорошъ, ёжъ, только ноги у тебя кривыя, заплетаются".

Ежъ разсердился и говоритъ: „ты что жъ смѣёшься; мои кривыя ноги скорѣе твоихъ прямыхъ бѣгаютъ. Вотъ дай только схожу домой, а потомъ давай побѣжимъ на перегонку".

Ежъ пошёлъ домой и говоритъ женѣ: „я съ зайцемъ поспорилъ: хотимъ бѣжать на перегонку!"

Ежова жена говоритъ: „ты, видно, съ ума сошёлъ! гдѣ тебѣ съ зайцемъ бѣжать? У него ноги быстрыя, а у тебя кривыя и тупыя".

А ёжъ говоритъ: „у него ноги быстрыя, а у меня умъ быстрый. Только ты дѣлай, что я велю. Пойдёмъ въ поле".

Вотъ пришли они на вспаханное поле къ зайцу; ёжъ и говоритъ женѣ:

„Спрячься ты на этомъ концѣ борозды, а мы съ зайцемъ побѣжимъ съ другого конца; какъ онъ разбѣжится, я вернусь назадъ; а какъ прибѣжитъ къ твоему концу, ты выходи и скажи: „а я уже давно жду". Онъ тебя отъ меня не узнаетъ— подумаетъ, что это я".

Ежова жена спряталась въ бороздѣ, а ёжъ съ зайцемъ побѣжали съ другого конца.

Какъ заяцъ разбѣжался, ёжъ вернулся назадъ и спрятался въ борозду. Заяцъ прискакалъ на другой конецъ борозды:

глядь!—а ежова жена уже тамъ сидитъ. Она увидала зайца и говоритъ ему: „а я уже давно жду!"

Заяцъ не узналъ ежову жену отъ ежа и думаетъ: „что за чудо! Какъ это онъ меня обогналъ?"

„Ну", говоритъ: „давай еще разъ побѣжимъ!"

„Давай!"

Заяцъ пустился назадъ, прибѣжалъ на другой конецъ: глядь!—а ёжъ уже тамъ, да и говоритъ: „э, братъ, ты только теперь, а я уже давно тутъ".

„Что за чудо!" думаетъ заяцъ, „ужъ какъ я шибко скакалъ, а все онъ обогналъ меня. Ну, такъ побѣжимъ еще разъ, теперь уже не обгонишь".

„Побѣжимъ".

Поскакалъ заяцъ, что было духу: глядь!—ёжъ впереди сидитъ и дожидается.

И такъ, заяцъ до тѣхъ поръ скакалъ изъ конца въ конецъ, что изъ силъ выбился.

Заяцъ покорился и сказалъ, что впередъ никогда не будетъ спорить.

Два Брата. (Сказка.)

Два брата пошли вмѣстѣ путешествовать. Въ полдень они легли отдохнуть въ лѣсу. Когда они проснулись, то увидали—подлѣ нихъ лежитъ камень и на камнѣ что-то написано. Они стали разбирать и прочли:

„Кто найдетъ этотъ камень, тотъ пускай идетъ прямо въ лѣсъ на восходъ солнца. Въ лѣсу придетъ рѣка; пускай плыветъ черезъ эту рѣку на другую сторону. Увидишь медвѣдицу съ медвѣжатами: отними медвѣжатъ у медвѣдицы и бѣги безъ оглядки прямо въ гору. На горѣ увидишь домъ и въ домѣ томъ найдешь счастіе".

Братья прочли, что было написано, и меньшой сказалъ: „давай пойдёмъ вмѣстѣ. Можетъ быть мы переплывёмъ эту рѣку, донесёмъ медвѣжатъ до дому и вмѣстѣ найдёмъ счастіе".

Тогда старшій сказалъ: „я не пойду въ лѣсъ за медвѣжа-

тами и тебѣ не совѣтую. Первое дѣло: никто не знаетъ— правда ли написана на этомъ камнѣ; можетъ быть, все это написано на смѣхъ. Да, можетъ быть, мы и не такъ разобрали. Второе:—если и правда написана,—пойдемъ мы въ лѣсъ, придётъ ночь, мы не попадёмъ на рѣку и заблудимся. Да если и найдёмъ рѣку, какъ мы переплывёмъ её? Можетъ быть, она быстра и широка? Третье:—если и переплывёмъ рѣку,—развѣ легкое дѣло отнять у медвѣдицы медвѣжатъ; она насъ задерётъ, и мы, вмѣсто счастія, пропадёмъ ни за что. Четвертое дѣло:—если намъ и удастся унести медвѣжатъ,—мы не добѣжимъ безъ отдыха въ гору. Главное же дѣло не сказано: *какое счастіе мы найдемъ въ этомъ домѣ! Можетъ быть, насъ тамъ ждетъ такое счастіе, какого намъ вовсе не нужно*".

А меньшой сказалъ: „по-моему не такъ. Напрасно этого писать на камнѣ не стали бы. И всё написано ясно. Первое дѣло:—намъ бѣды не будетъ, если и попытаемся. Второе дѣло:—если мы не пойдёмъ, кто-нибудь другой прочтётъ надпись на камнѣ и найдётъ счастіе, а мы останемся ни при чемъ. Третье дѣло:—не потрудиться, да не поработать, ничто въ свѣтѣ не радуетъ. Четвертое:—не хочу я, чтобъ подумали, что я чего-нибудь да побоялся".

Тогда старшій сказалъ: „и пословица говоритъ: *искать большого счастія—малое потерять;* да еще: *не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки*".

А меньшой сказалъ: „а я слыхалъ—*волковъ бояться, въ лѣсъ не ходить;* да еще: *подъ лежачій камень вода не потечетъ*. По мнѣ, надо идти".

Меньшой братъ пошёлъ, а старшій остался.

Какъ только меньшой братъ вошёлъ въ лѣсъ, онъ напалъ на рѣку, переплылъ её и тутъ же на берегу увидалъ медвѣдицу. Она спала. Онъ ухватилъ медвѣжатъ и побѣжалъ безъ оглядки на гору. Только что добѣжалъ до верху,—выходитъ ему навстрѣчу народъ, подвезли ему карету, повезли въ городъ и сдѣлали царемъ.

Онъ царствовалъ пять лѣтъ. На 6-й годъ пришелъ на

него войной другой царь, сильнѣе его: завоевалъ городъ и прогналъ его. Тогда меньшой братъ пошелъ опять странствовать и пришёлъ къ старшему брату.

Старшій братъ жилъ въ деревнѣ ни богато, ни бѣдно. Братья обрадовались другъ другу и стали разсказывать про свою жизнь.

Старшій братъ и говоритъ: „вотъ и вышла моя правда: я всё время жилъ тихо и хорошо, а ты хоть и былъ царемъ, за то много горя видѣлъ“.

А меньшой сказалъ: „я не тужу, что пошёлъ тогда въ лѣсъ на гору; хоть мнѣ и плохо теперь, за то есть чѣмъ помянуть мою жизнь, а тебѣ и помянуть-то нечѣмъ“.

Водяной и жемчужина. (Басня.)

Одинъ человѣкъ ѣхалъ на лодкѣ и уронилъ драгоцѣнный жемчугъ въ море. Человѣкъ вернулся къ берегу, взялъ ведро и сталъ черпать воду и выливать на землю. Онъ черпалъ и выливалъ три дня безъ устали.

На четвертый день вышелъ изъ моря водяной и спросилъ: „Зачѣмъ ты черпаешь?“

Человѣкъ говоритъ: „Я черпаю затѣмъ, что уронилъ жемчугъ“.

Водяной спросилъ: „А скоро ли ты перестанешь?“
Человѣкъ говоритъ: „Когда высушу море, тогда перестану“.

Тогда водяной вернулся въ море, принесъ тотъ самый жемчугъ и отдалъ человѣку.

Ужъ. (Сказка.)

У одной женщины была дочь Маша. Маша пошла съ подругами купаться. Дѣвочки сняли рубашки, положили на берегъ и попрыгали въ воду.

Изъ воды выползъ большой ужъ и, свернувшись, легъ на Машину рубашку. Дѣвочки вылѣзли изъ воды, надѣли свои рубашки и побѣжали домой. Когда Маша подошла къ своей

рубашкѣ и увидала, что на ней лежитъ ужакъ, она взяла палку и хотѣла согнать его; но ужъ поднялъ голову и засипѣлъ человѣчьимъ голосомъ:

„Маша, Маша, обѣщай за меня замужъ“.

Маша заплакала и сказала: „только отдай мнѣ рубашку, я всё сдѣлаю“.

„Пойдёшь ли замужъ?“

Маша сказала: „пойду“. И ужъ сползъ съ рубашки и ушёлъ въ воду.

Маша надѣла рубашку и побѣжала домой. Дома она сказала матери: „матушка, ужакъ лёгъ на мою рубашку и сказалъ: иди за меня замужъ, а то не отдамъ рубашки. Я ему обѣщала“.

Мать посмѣялась и сказала: „это тебѣ приснилось“.

Черезъ недѣлю цѣлое стадо ужей приползло къ Машиному дому.

Маша увидала ужей, испугалась и сказала: „матушка, за мной ужи приползли“.

Мать не повѣрила, но какъ увидала, сама испугалась и заперла сѣни и дверь въ избу. Ужи проползли подъ ворота и вползли въ сѣни, но не могли пройти въ избу. Тогда они выползли назадъ, всѣ вмѣстѣ свернулись клубкомъ и бросились въ окно. Они разбили стекло, упали на полъ въ избу и поползли по лавкамъ, столамъ и на печку. Маша забилась въ уголъ на печи, но ужи нашли её, стащили оттуда и повели къ водѣ.

Мать плакала и бѣжала за ними, но не догнала. Ужи вмѣстѣ съ Машей бросились въ воду.

Мать плакала о дочери и думала, что она умерла.

Одинъ разъ мать сидѣла у окна и смотрѣла на улицу. Вдругъ она увидала, что къ ней идётъ ея Маша и ведётъ за руку маленькаго мальчика, а на рукахъ несётъ дѣвочку.

Мать обрадовалась и стала цѣловать Машу и спрашивать её, гдѣ она была и чьи это дѣти? Маша сказала, что это ея

дѣти, что ужъ взялъ её замужъ и что она живётъ съ нимъ въ водяномъ царствѣ.

Мать спросила дочь, хорошо ли ей жить въ водяномъ царствѣ, и дочь сказала, что лучше, чѣмъ на землѣ.

Мать просила Машу, чтобы она осталась съ ней, но Маша не согласилась. Она сказала, что обѣщала мужу вернуться.

Тогда мать спросила дочь:

„А какъ же ты домой пойдешь?"

„Пойду, покличу: „Осипъ, Осипъ, выйди сюда и возьми меня", онъ и выйдетъ на берегъ и возьмётъ меня".

Мать сказала тогда Машѣ: „ну, хорошо, только переночуй у меня".

Маша легла и заснула, а мать взяла топоръ и пошла къ водѣ.

Она пришла къ водѣ и стала звать: „Осипъ, Осипъ, выйди сюда".

Ужъ выплылъ на берегъ. Тогда мать ударила его топоромъ и отрубила ему голову. Вода сдѣлалась красною отъ крови.

Мать пришла домой, а дочь проснулась и говоритъ: „я пойду домой, матушка; мнѣ скучно стало", и она пошла.

Маша взяла дѣвочку на руки, а мальчика повела за руку. Когда она пришла къ водѣ, она стала кликать: „Осипъ, Осипъ, выйди ко мнѣ". Но никто не выходилъ.

Тогда она посмотрѣла на воду и увидала, что вода красная и ужова голова плаваетъ по ней.

Тогда Маша поцѣловала дочь и сына и сказала имъ:

„Нѣтъ у васъ батюшки, не будетъ у васъ и матушки. Ты, дочка, будь птичкой ласточкой, летай надъ водой; ты, сынокъ, будь соловейчикомъ, распѣвай по зарямъ; а я буду кукушечкой, буду куковать по убитому по своему мужу". И они всѣ разлетѣлись въ разныя стороны.

Воробей и ласточки. (Разсказъ.)

Разъ я стоялъ на дворѣ и смотрѣлъ на гнѣздо ласточекъ подъ крышей. Обѣ ласточки при мнѣ улетѣли, и гнѣздо осталось пустое.

Въ то время, когда онѣ были въ отлучкѣ, съ крыши слетѣлъ воробей, прыгнулъ на гнѣздо, оглянулся, взмахнулъ крылышками и юркнулъ въ гнѣздо; потомъ высунулъ оттуда свою головку и зачирикалъ.

Скоро послѣ того прилетѣла къ гнѣзду ласточка. Она сунулась въ гнѣздо, но, какъ только увидала гостя, запищала, побилась крыльями на мѣстѣ и улетѣла.

Воробей сидѣлъ и чирикалъ.

Вдругъ прилетѣлъ табунокъ ласточекъ: всѣ ласточки подлетали къ гнѣзду—какъ будто для того, чтобы посмотрѣть на воробья, и опять улетали.

Воробей не робѣлъ, поворачивалъ голову и чирикалъ.

Ласточки опять подлетали къ гнѣзду, что-то дѣлали и опять улетали.

Ласточки не даромъ подлетали: онѣ приносили каждая въ клювикѣ грязь и понемногу замазывали отверстіе гнѣзда.

Опять улетали и опять прилетали ласточки, и все больше и больше замазывали гнѣздо, и отверстіе становилось все тѣснѣе и тѣснѣе.

Сначала видна была шея воробья, потомъ уже одна головка, потомъ носикъ, а потомъ и ничего не стало видно; ласточки совсѣмъ замазали его въ гнѣздѣ, улетѣли и со свистомъ стали кружиться вокругъ дома.

Камбизъ и Псаменитъ. (Исторія.)

Когда царь персидскій Камбизъ завоевалъ Египетъ и полонилъ царя египетскаго Псаменита, онъ велѣлъ вывесть на площадь царя Псаменита съ другими египтянами и велѣлъ вывести на площадь двѣ тысячи человѣкъ, а съ ними вмѣстѣ Псаменитову дочь, приказалъ одѣть её въ лохмотья и выслать съ вёдрами за водой; вмѣстѣ съ нею онъ послалъ въ такой же одеждѣ и дочерей самыхъ знатныхъ египтянъ. Когда дѣвицы съ воемъ и плачемъ прошли мимо отцовъ, отцы заплакали, глядя на дочерей. Одинъ только Псаменитъ не заплакалъ, а только потупился.

Когда дѣвицы прошли, Камбизъ выслалъ сына Псаменита съ другими египтянами. У всѣхъ ихъ вокругъ шеи были обвязаны верёвки, а во рту были удила. Ихъ вели убивать.

Псаменитъ видѣлъ это и понялъ, что сына ведутъ на смерть. Но такъ же, какъ и при видѣ дочери, когда другіе отцы плакали, глядя на своихъ дѣтей, онъ только потупился.

Потомъ прошёлъ мимо Псаменита прежній товарищъ его и родственникъ.

Онъ прежде былъ богатъ, а теперь какъ нищій просилъ милостыню по войску. Какъ только Псаменитъ увидалъ его, онъ назвалъ его по имени, ударилъ себя по головѣ и зарыдалъ. Камбизъ удивился тому, что̀ Псаменитъ сдѣлалъ, и послалъ спросить его такъ:

„Псаменитъ! Господинъ твой Камбизъ спрашиваетъ: отчего, когда дочь твою осрамили и сына вели на смерть, ты не плакалъ, а нищаго, и вовсе не родного, такъ пожалѣлъ“?

Псаменитъ отвѣчалъ:

„Камбизъ! Мое собственное горе такъ велико, что о немъ и плакать нельзя; а товарища мнѣ жалко стало за то, что онъ въ старости изъ богатства попалъ въ нищету“.

Былъ при этомъ другой плѣнный царь—Крезъ. Когда онъ услыхалъ эти слова, ему больнѣе показалось свое горе, и онъ заплакалъ—и всѣ персы, что тутъ были, всѣ заплакали.

И на самого Камбиза нашла жалость: онъ велѣлъ вернуть назадъ Псаменитова сына, а самого Псаменита привесть къ себѣ. Но сына не застали живымъ—онъ уже былъ убитъ, а самого Псаменита привели къ Камбизу, и Камбизъ помиловалъ его.

Акула. (Разсказъ.)

Нашъ корабль стоялъ на якорѣ у берега Африки. День былъ прекрасный; съ моря дулъ свѣжій вѣтеръ, но къ вечеру погода измѣнилась: стало душно и точно изъ топлёной печки несло на насъ горячимъ воздухомъ съ пустыни Сахары.

Передъ закатомъ солнца капитанъ вышелъ на палубу, крикнулъ: „купаться!“, и въ одну минуту матросы попрыгали въ воду, спустили въ воду парусъ, привязали его и въ парусѣ устроили купальню.

На кораблѣ съ нами было два мальчика. Мальчики первые попрыгали въ воду, но имъ тѣсно было въ парусѣ и они вздумали плавать на перегонки въ открытомъ морѣ.

Оба какъ ящерицы вытягивались въ водѣ и что было силы поплыли къ тому мѣсту, гдѣ былъ бочёнокъ надъ якоремъ.

Одинъ мальчикъ сначала перегналъ товарища, но потомъ сталъ отставать. Отецъ мальчика, старый артиллеристъ, стоялъ на палубѣ и любовался на своего сынишку. Когда сынъ сталъ отставать, отецъ крикнулъ ему: „не выдавай! понатужься!“

Вдругъ съ палубы кто-то крикнулъ: „акула!“—и всѣ мы увидали въ водѣ спину морского чудовища.

Акула плыла прямо на мальчиковъ.

— „Назадъ! назадъ! вернитесь! акула!“ закричалъ артиллеристъ. Но ребята не слыхали его, плыли дальше, смѣялись и кричали еще веселѣе и громче прежняго.

Артиллеристъ, блѣдный, какъ полотно, не шевелясь, смотрѣлъ на дѣтей.

Матросы спустили лодку, бросились въ неё и, сгибая вёсла понеслись, что было силы къ мальчикамъ; но они были еще далеко отъ нихъ, когда акула уже была не дальше 20-ти шаговъ.

Мальчики сначала не слыхали того, что̀ имъ кричали, и не видали акулы; но потомъ одинъ изъ нихъ оглянулся, и мы всѣ услыхали пронзительный визгъ, и мальчики поплыли въ разныя стороны.

Визгъ этотъ какъ будто разбудилъ артиллериста. Онъ сорвался съ мѣста и побѣжалъ къ пушкамъ. Онъ повернулъ хоботъ, прилёгъ къ пушкѣ, прицѣлился и взялъ фитиль,

Мы всѣ, сколько насъ ни было на кораблѣ, замерли отъ страха и ждали, что̀ будетъ.

Раздался выстрѣлъ, и мы увидали, что артиллеристъ упалъ подлѣ пушки и закрылъ лицо руками. Что̀ сдѣлалось съ акулой и съ мальчикомъ, мы не видали, потому что на минуту дымъ застлалъ намъ глаза.

Но когда дымъ разошёлся надъ водою, со всѣхъ сторонъ послышался сначала тихій ропотъ, потомъ ропотъ этотъ сталъ сильнѣе и, наконецъ, со всѣхъ сторонъ раздался громкій, радостный крикъ.

Старый артиллеристъ открылъ лицо, поднялся и посмотрѣлъ на море.

По волнамъ колыхалось жёлтое брюхо мёртвой акулы. Въ нѣсколько минутъ лодка подплыла къ мальчикамъ и привезла ихъ на корабль.

Отчего потѣютъ окна и бываетъ роса? (Разсужденіе.)

Когда сохнетъ вода, что̀ дѣлается съ этой водой?

Отъ тепла всѣ вещи раздаются. Вода отъ тепла раздаётся и вся разойдётся на такія маленькія частички, что ихъ глазомъ не видать, и уйдетъ въ воздухъ. Частички эти, пары, носятся въ воздухѣ, и ихъ не видно, покуда воздухъ тёпелъ. Но остуди воздухъ и сейчасъ паръ остынетъ и станетъ виденъ.

Если натопить жарко баню и налить воду на кирпичи, вода вся уйдётъ паромъ и будетъ сухо. Поддай еще — вода опять разойдётся. Если баня горяча, летучей воды разойдется въ воздухѣ ушатъ. Ушатъ воды будетъ стоять въ горячемъ воздухѣ бани и его не будетъ видно. Воздухъ бани впитаетъ въ себя весь ушатъ. Но если станешь еще поддавать, то воздухъ уже напитается и не станетъ больше принимать воды, а лишняя вода потечётъ каплями. Одинъ ушатъ будетъ держаться, а лишняя вода вытечетъ.

Если въ ту же баню нетопленную принесёшь горячіе кирпичи и станешь лить на нихъ воду,—выльешь шайку—вода разойдётся, и не будетъ видно,—воздухъ всосётъ её въ себя. Но если станешь лить другую шайку, вода потечётъ каплями. Лишняя вода стечётъ каплями, и холодный воздухъ толь-

ко будетъ держать одну шайку. Въ той же банѣ воздухъ, когда былъ горячъ, впиталъ ушатъ, а когда холоденъ, можетъ впитать только шайку.

Если подуть на стекло, на стеклѣ сядутъ капли. И чѣмъ холоднѣе, тѣмъ больше сядетъ капель. Отчего это будетъ? Оттого, что дыханіе человѣка теплѣе, чѣмъ стекло, и въ дыханіи много летучей воды. Какъ только это дыханіе сядетъ на холодное стекло, изъ него выйдетъ вода.

Губка держитъ въ себѣ воду, и воды не видать, покуда губка не сожмётся; но только что пожмешь её, вода польётся. Также и воздухъ держитъ въ себѣ воду, пока онъ горячъ, а какъ онъ остынетъ, такъ вода польётся.

Если лѣтомъ вынесешь изъ погреба холодный горшокъ, по нёмъ сейчасъ сядутъ капли воды. Откуда взялась эта вода? Она тутъ и была. Только пока тепло было, ея не видно было, а какъ ушло тепло изъ воздуха въ холодный горшокъ, воздухъ вокругъ горшка остылъ, и капли сѣли. То же бываетъ и на окнахъ. Въ горницѣ тепло, и пары держатся въ воздухѣ; но съ надворья остынутъ окна и снутри подлѣ оконъ воздухъ охолодѣетъ, и потекутъ капли.

Отъ этого же бываетъ роса. Какъ остынетъ земля ночью, надъ ней воздухъ остынетъ, и изъ холоднаго воздуха выходятъ пары каплями и садятся на землю.

Иногда бываетъ, что и холодно на дворѣ, а въ горницѣ тепло,—а не потѣютъ окна; а иногда и теплѣе на дворѣ, а въ горницѣ не такъ тепло,—а потѣютъ окна.

Тоже иногда ночь тёплая, а большая роса; а то холодная ночь и—нѣтъ росы.

Отчего это бываетъ? оттого, что бываетъ сухой и сырой воздухъ. Сухой воздухъ бываетъ тогда, когда онъ, не нагрѣваясь, можетъ поднять еще много паровъ, а сырой тогда, когда онъ, не нагрѣваясь, не можетъ поднять еще много паровъ. Сухой воздухъ—это губка, не вся еще напитанная водой, а сырой воздухъ—губка, вся напитанная водой. Чуть похолоднѣй воздухъ и чуть пожать губку, и потечётъ. Въ сыромъ воздухѣ

всякая вещь, если она холоднѣе воздуха, намокнетъ, а въ сухомъ всякая мокрая вещь высохнетъ. Пары выйдутъ изъ нея, и воздухъ впитаетъ ихъ въ себя.

Архіерей и разбойникъ. (Быль.)

Одного разбойника давно искали. Разъ онъ переодѣлся и пришёлъ въ городъ. Въ городѣ его узнали полицейскіе и погнались за нимъ. Разбойникъ бѣжалъ отъ нихъ и прибѣжалъ къ архіерейскому дому; ворота были открыты; онъ вошёлъ во дворъ.

Послушникъ спросилъ его, что̀ ему нужно?

Разбойникъ не зналъ, что̀ отвѣчать, и наобумъ сказалъ: „мнѣ нужно Архіерея“.

Архіерей принялъ разбойника и спросилъ, за какимъ онъ дѣломъ пришёлъ къ нему.

Разбойникъ отвѣчалъ: „я—разбойникъ, за мною погоня; спрячь меня, а не то я убью тебя“.

Архіерей сказалъ: „я—старикъ, смерти не боюсь; но мнѣ жаль тебя. Поди въ ту горницу, ты усталъ, отдохни, а я тебѣ пришлю поѣсть“.

Полицейскіе не посмѣли войти къ Архіерею въ домъ, и разбойникъ остался у него ночевать.

Когда разбойникъ отдохнулъ, Архіерей пришелъ къ нему и сказалъ: „мнѣ жаль тебя, что ты холоденъ и голоденъ и что за тобой гоняются, какъ за волкомъ, но мнѣ всего болѣе жаль тебя за то, что ты зла много сдѣлалъ и душу свою губишь. Брось дурныя дѣла!“

Разбойникъ сказалъ: „нѣтъ, мнѣ уже не отвыкнуть отъ худого; разбойникомъ жилъ, такимъ и умру“.

Архіерей ушёлъ отъ него, растворилъ всѣ двери и лёгъ спать.

Ночью разбойникъ всталъ и пошёлъ ходить по горницамъ. Ему удивительно показалось, что Архіерей ничего не заперъ и оставилъ всѣ двери настежь.

Разбойникъ сталъ оглядываться кругомъ — что̀ бы ему

украсть, увидалъ большой серебряный подсвѣчникъ и думаетъ: „возьму я эту вещь—она много денегъ стоитъ—и уйду отсюда, а старика убивать не буду“. Такъ и сдѣлалъ.

Полицейскіе не отходили отъ архіерейскаго дома и все время караулили разбойника. Какъ только онъ вышелъ изъ дома, его окружили и нашли у него подъ полой подсвѣчникъ.

Разбойникъ сталъ отпираться, но полицейскіе сказали: „если ты отъ прежнихъ дѣлъ своихъ отпираешься, то отъ кражи этого подсвѣчника отклепаться не можешь. Пойдёмъ къ Архіерею, онъ тебя уличитъ“.

Привели вора къ Архіерею, показали ему подсвѣчникъ и спросили: „ваша ли эта вещь?“ Онъ говоритъ: „моя“.

Полицейскіе сказали: „у васъ украли эту вещь, а вотъ воръ“.

Разбойникъ молчалъ, и у него, какъ у волка, бѣгали глаза.

Архіерей ничего не сказалъ, вернулся въ горницу, взялъ тамъ дружку отъ того же подсвѣчника, подалъ разбойнику и говоритъ: „зачѣмъ же ты, дружокъ, только одинъ подсвѣчникъ взялъ? Вѣдь я тебѣ оба подарилъ“.

Разбойникъ заплакалъ и сказалъ полицейскимъ: „я воръ и разбойникъ, ведите меня!“

Потомъ онъ сказалъ Архіерею: „прости меня ради Христа и помолись за меня Богу“.

Ермакъ. (Исторія.)

При Царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ были богатые купцы Строгоновы и жили они въ Перми, на рѣкѣ Камѣ. Прослышали они, что по рѣкѣ Камѣ на 140 вёрстъ въ кругу есть хороша земля; пашня не пахана отъ вѣка, лѣса чёрные отъ вѣка не рублены. Въ лѣсахъ звѣря много, а по рѣкѣ озёра рыбныя, и никто на той землѣ не живётъ, только захаживаютъ Татары.

Строгоновы написали Царю письмо: „отдай намъ эту землю, а мы сами по ней городки построимъ и народъ соберёмъ, заселимъ и не будемъ давать черезъ эту землю ходу Татарамъ“.

Царь согласился и отдалъ имъ землю. Строгоновы послали приказчиковъ собирать народъ. И сошлось къ нимъ много гуляющаго народа. Кто приходилъ, тѣмъ Строгоновы отводили землю, лѣсъ, давали скотину и никакихъ оброковъ не брали, только живи, и когда нужда, выходи съ народомъ биться съ Татарами. Такъ и заселилась эта земля русскимъ народомъ.

Прошло лѣтъ 20. Строгоновы купцы еще сильнѣе разбогатѣли, и мало имъ стало той земли на 140 вёрстъ. Захотѣли они еще болѣе земли. Вёрстъ за 100 отъ нихъ были высокія горы Уральскія, и за этими горами, прослышали они, есть прекраснѣйшая земля, и земли той конца нѣтъ. Владѣлъ этой землей Сибирскій князёкъ Кучумъ. Кучумъ въ прежнее время покорился Царю Русскому, а потомъ сталъ бунтовать и грозилъ разорить Строгоновскіе городки.

Вотъ Строгоновы и написали Царю: „Отдалъ ты намъ землю, мы её подъ твою руку покорили: теперь воровской царекъ Кучумъ противъ тебя бунтуетъ и хочетъ и эту землю отнять и насъ разорить. Вели ты намъ занять землю за Уральскими горами; мы Кучума завоюемъ и всю его землю подъ твою руку подведемъ.

Царь согласился и отписалъ: „Если сила у васъ есть, отберите у Кучума землю. Только изъ Россіи много народу не сманивайте".

Вотъ Строгоновы, какъ получили отъ Царя письмо, послали приказчиковъ ещё собирать народъ къ себѣ. И больше велѣли подговаривать казаковъ съ Волги и съ Дону. А въ то время по Волгѣ, по Дону казаковъ много ходило. Соберутся шайками въ 200, 300, 600 человѣкъ, выберутъ атамана и плаваютъ на стругахъ, перехватываютъ суда, грабятъ, а на зиму становятся городкомъ на берегу.

Пріѣхали приказчики на Волгу и стали спрашивать: „какіе тутъ казаки слывутъ?" Имъ и говорятъ: „казаковъ много. Житья отъ нихъ не стало. Есть Мишка Черкашенинъ; есть Сары-Азманъ... Но нѣтъ злѣе Ермака Тимоѳеича атамана. У того человѣкъ 1000 народа, и его не только народъ

и купцы боятся, а царское войско къ нему приступить не смѣетъ".

И поѣхали приказчики къ Ермаку атаману и стали его уговаривать идти къ Строгонову. Ермакъ принялъ приказчиковъ, отслушалъ ихъ рѣчи и обѣщалъ придти съ народомъ своимъ къ Успенью.

Къ Успенью пришли къ Строгонову казаки—человѣкъ 600 съ атаманомъ Ермакомъ Тимоѳеичемъ. Напустилъ ихъ сначала Строгоновъ на ближнихъ Татаръ. Казаки ихъ побили. Потомъ, когда нечего было дѣлать, стали казаки по округу ходить и грабить.

Призываетъ Строгоновъ Ермака и говоритъ: „я васъ теперь больше держать не стану, если вы такъ шалить будете". А Ермакъ и говоритъ: „я и самъ не радъ, да съ народомъ моимъ не совладаешь,—набаловались. Дай намъ работу". Строгоновъ и говоритъ: „идите за Уралъ воевать съ Кучумомъ, завладѣйте его землёю. Васъ и Царь наградитъ". И показалъ Ермаку царское письмо. Ермакъ обрадовался, собралъ казаковъ и говоритъ:

„Вы меня срамите передъ хозяиномъ — всё безъ толку грабите. Если не бросите, онъ васъ прогонитъ, а куда пойдёте? На Волгѣ царскаго войска много, насъ переловятъ и за прежнія дѣла худо будетъ. А если скучно вамъ, то вотъ вамъ работа".

И показалъ имъ царское письмо, что позволено Строгонову за Ураломъ землю завоевать. Поговорили казаки и согласились идти. Пошёлъ Ермакъ къ Строгонову, сталъ съ нимъ думать, какъ имъ идти.

Обсудили, сколько струговъ надо, сколько хлѣба, скотины, ружей, пороху, свинцу, сколько переводчиковъ-татаръ плѣнныхъ, сколько нѣмцевъ, мастеровъ ружейныхъ.

Строгоновъ и думаетъ: „хоть и дорого мнѣ станетъ, а надо дать ему всего, а то здѣсь останутся—разорятъ меня". Согласился Строгоновъ, собралъ всего и снарядилъ Ермака съ казаками.

1-го сентября поплыли казаки съ Ермакомъ вверхъ по рѣкѣ Чусовой на 32-хъ стругахъ, на каждомъ стругѣ было 20 человѣкъ. Плыли они четыре дня на вёслахъ вверхъ по рѣкѣ и выплыли въ Серебряную рѣку. Оттуда ужъ плыть нельзя. Разспросили проводниковъ и узнали, что надо имъ тутъ перевалиться черезъ горы и вёрстъ 200 сухопутьемъ пройти, а потомъ пойдутъ опять рѣки. Остановились тутъ казаки, построили городъ и выгрузили всю снасть: и струга побросали, а наладили телѣги, уложили всё и пошли сухопутьемъ—черезъ горы. Мѣста всё были лѣсныя и народу не жило никакого. Прошли они 10 дней сухопутьемъ, попали на Жаровню, на рѣку. Тутъ опять постояли и стали ладить струга. Наладили и поплыли по рѣкѣ внизъ. Проплыли пять дней и пошли мѣста ещё веселѣе: луга, лѣса, озёра. И рыбы, и звѣря много; и звѣрь непуганый. Проплыли еще день, выплыли въ Туру-рѣку. Тутъ по Турѣ-рѣкѣ сталъ попадаться народъ и городки татарскіе.

Послалъ Ермакъ казаковъ посмотрѣть одинъ городокъ, что за городокъ и много ли въ нёмъ силы. Пошли 20 казаковъ, распугали всѣхъ Татаръ и забрали весь городокъ и скотину всю забрали. Какихъ Татаръ перебили, а какихъ привели живьёмъ.

Сталъ Ермакъ черезъ переводчиковъ спрашивать Татаръ: „какіе они люди и подъ чьей рукой живутъ?“ Татары говорятъ, что они Сибирскаго царства и царь ихъ Кучумъ.

Ермакъ отпустилъ Татаръ, а троихъ поумнѣе взялъ съ собой, чтобы они ему дорогу показывали.

Поплыли дальше. Что дальше плывутъ, то рѣка все больше становится; а мѣста что дальше, то лучше.

И народа стало больше попадаться Только народъ не сильный. И всѣ городки, какіе были по рѣкѣ, казаки повоевали.

Забрали они въ одномъ городкѣ много Татаръ и одного почётнаго стараго Татарина. Стали спрашивать Татарина, что онъ за человѣкъ? Онъ говоритъ: „я Таузикъ, я своего

царя Кучума слуга, и отъ него начальникомъ въ этомъ городкѣ“.

Ермакъ сталъ спрашивать Таузика про его царя: „Далеко ли его городъ Сибирь? Много ли у Кучума силы, много ли у него богатства?“ Таузикъ все разсказалъ. Говоритъ: „Кучумъ первѣйшій царь въ свѣтѣ. Городъ его — Сибирь — самый большой городъ на свѣтѣ. Въ городѣ этомъ, говоритъ, людей и скотины столько, сколько звѣздъ на небѣ. А силы у Кучума-царя счёту нѣтъ, его всѣ цари вмѣстѣ не завоюютъ“.

А Ермакъ говоритъ: „Мы, Русскіе, пришли сюда твоего царя завоевать и его городъ взять, Русскому царю подъ руку подвести. Силы у насъ много. Что со мной пришли—это только передніе, а сзади плывутъ въ стругахъ—счёту имъ нѣтъ, и у всѣхъ ружья. А ружья наши насквозь дерево пробиваютъ, не то что ваши луки, стрѣлы. Вотъ смотри“.

И Ермакъ выпалилъ въ дерево, и дерево раскололъ, и со всѣхъ сторонъ стали палить казаки. Таузикъ отъ страха на колѣни упалъ. Ермакъ и говоритъ ему: „ступай же ты къ своему царю Кучуму и скажи ему, что̀ ты видѣлъ. Пускай онъ покоряется, а не покорится, такъ и его погубимъ“. И отпустилъ Таузика.

Поплыли казаки дальше. Выплыли въ большую рѣку Тоболъ, и всё къ Сибири-городу приближаются. Подплыли они къ рѣчкѣ Бабасанъ, смотрятъ — на берегу городокъ стоитъ, и кругомъ городка Татаръ много.

Послали они переводчика къ Татарамъ узнать, что за люди. Приходитъ назадъ переводчикъ, говоритъ: „это войско Кучумово собралось. А начальникомъ надъ войскомъ самъ зять Кучумовъ—Маметкулъ. Онъ меня призывалъ и велѣлъ вамъ сказать, чтобы вы назадъ шли, а то онъ васъ перебьётъ“.

Ермакъ собралъ казаковъ, вышелъ на берегъ и началъ стрѣлять въ Татаръ. Какъ услыхали Татары пальбу, такъ и побѣжали. Стали ихъ казаки догонять и какихъ перебили, а какихъ забрали. Насилу самъ Маметкулъ ушёлъ.

Поплыли казаки дальше. Выплыли въ широкую, быструю рѣку Иртышъ. По Иртышу-рѣкѣ проплыли день, подплыли къ городку хорошему и остановились. Пошли казаки въ городокъ. Только стали подходить, начали въ нихъ Татары стрѣлы пускать и поранили трёхъ казаковъ. Послалъ Ермакъ переводчика сказать Татарамъ, чтобы сдали городъ, а то всѣхъ перебьютъ. Переводчикъ пошёлъ, вернулся и говоритъ: „Тутъ живётъ Кучумовъ слуга Атикъ Мурза Качара. У него силы много, и онъ говоритъ, что не сдастъ городка“.

Ермакъ собралъ казаковъ и говоритъ:

„Ну, ребята, если не возьмёмъ этого городка, Татары запирують и намъ ходу не дадутъ. Что скорѣе страха зададимъ, то намъ легче будетъ. Выходи всѣ. Кидайся всѣ разомъ“. Такъ и сдѣлали. Татаръ много тутъ было, и Татары лихіе.

Какъ бросились казаки, стали Татары стрѣлять изъ луковъ. Засыпали казаковъ стрѣлами. Которыхъ до смерти перебили, которыхъ переранили.

Озлились и казаки, добрались до татаръ и, какіе попались, всѣхъ перебили.

Въ городкѣ этомъ нашли казаки много добра, скотины, ковровъ, мѣховъ и мёду много, похоронили мёртвыхъ, отдохнули, забрали добро съ собой и поплыли дальше. Не далеко проплыли, смотрятъ—на берегу какъ городъ стоитъ, войска конца-края не видать, и все войско окопано канавой, и канава лѣсомъ завалена. Остановились казаки. Стали думать; собралъ Ермакъ кругъ. „Ну что, ребята, какъ быть?“

Казаки заробѣли. Одни говорятъ: „надо мимо плыть“; другіе говорятъ: „назадъ идти“.

И стали они скучать, бранить Ермака. Говорятъ: „зачѣмъ ты насъ завёлъ сюда? Вотъ перебили уже изъ насъ сколько да переранили; и всѣ мы тутъ пропадёмъ“. Стали плакать.

Ермакъ и говоритъ своему подъатаманью, Ивану Кольцо: „ну, а ты, Ваня, какъ думаешь?“

А Кольцо и говоритъ: „а я что думаю? Не нынче убьютъ, такъ завтра, а не завтра, такъ даромъ не печи помрёмъ. По

мнѣ — выдти на берегъ, да и валить прямо лавой на Татаръ,—что Богъ дастъ".

Ермакъ и говоритъ: „ай молодецъ, Ваня! такъ и надо. Эхъ вы, ребята! Не казаки вы, а бабы. Видно бѣлужину ловить, да бабъ татарскихъ пугать, только на то васъ и взять. Развѣ не видите сами? Назадъ идти—перебьютъ; мимо плыть—перебьютъ; здѣсь стоять—перебьютъ. Куда же намъ попятиться? разъ потрудишься, послѣ полегчаетъ. Такъ-то, ребята, у батюшки кобыла здоровая была. Какъ подъ горку—везётъ, и по ровному везетъ, а какъ придётся въ гору, запоровится, назадъ воротитъ, думаетъ—легче будетъ. Такъ взялъ батюшка колъ, возилъ-возилъ её коломъ-то. Ужъ она крутилась, билась, всю телѣгу разбила. Выпрягъ её батюшка изъ воза и ободралъ. А везла бы возъ, никакой бы муки не видала. Такъ-то и намъ, ребята. Одно только мѣсто осталось—прямо на Татаръ ломить".

Засмѣялись казаки, говорятъ: „видно ты, Тимоѳеичъ, умнѣе нашего; насъ, дураковъ, и спрашивать нечего. Веди, куда знаешь. Двухъ смертей не бывать, а одной не миновать".

Ермакъ и говоритъ: „Ну слушай, ребята! Вотъ какъ дѣлать. Они еще насъ всѣхъ не видали. Разобьёмтесь мы на три кучки. Одни въ середину прямо на нихъ пойдутъ, а другія двѣ кучки въ обходъ зайдутъ справа и слѣва. Вотъ какъ станутъ средніе подходить, они подумаютъ, что мы всѣ тутъ—выскочатъ. А тогда съ боковъ и ударимъ. Такъ-то, ребята. А этихъ перебьёмъ, ужъ бояться некого. Царями сами будемъ".

Такъ и сдѣлали. Какъ пошли средніе съ Ермакомъ, Татары завизжали, выскочили; тутъ ударили: справа—Иванъ Кольцо, слѣва—Мещерякъ атаманъ. Испугались Татары, побѣжали. Перебили ихъ казаки. Тутъ ужъ Ермаку никто противиться не смѣлъ. И такъ онъ вошёлъ въ самый городъ Сибирь. И насѣлъ туда Ермакъ все равно какъ царемъ.

Стали пріѣзжать къ Ермаку царьки съ поклонами. Стали Татары пріѣзжать селиться въ Сибири; а Кучумъ съ зятемъ

Маметкуломъ боялись на Ермака прямо идти, а только кругомъ ходили, придумывали, какъ бы его погубить.

Весною по водополью прибѣжали къ Ермаку татары, говорятъ: „Маметкулъ опять на тебя идётъ, собралъ войска много, стоитъ на Вагаѣ-рѣкѣ.

Ермакъ собрался черезъ рѣки, болота, ручьи, лѣса, подкрался съ казаками, бросился на Маметкула и побилъ много Татаръ и самого Маметкула забралъ живьёмъ и привёзъ въ Сибирь. Тутъ ужъ мало немирныхъ татаръ осталось, а какіе не покорялись, на тѣхъ Ермакъ ходилъ въ это лѣто; и по Иртышу, и по Оби рѣкамъ, завоевалъ Ермакъ столько земли, что въ два мѣсяца не обойдёшь.

Какъ забралъ Ермакъ всю эту землю, послалъ Ермакъ посла къ Строгоновымъ и письмо. „Я, говоритъ, Кучума городъ взялъ и Маметкула въ плѣнъ забралъ, и весь здѣшній народъ подъ свою руку привёлъ. Только казаковъ много истратилось. Присылайте народа, чтобы намъ веселѣе было. А добра въ здѣшней землѣ и конца нѣтъ“. И прослалъ онъ дорогихъ мѣховъ: лисицъ, куницъ и соболей.

Прошло тому дѣлу два года. Ермакъ всё держалъ Сибирь, а помощь изъ Россіи всё не приходила, и стало у Ермака мало русскаго народа.

Прислалъ разъ къ Ермаку Татаринъ Карача посла, говоритъ: „мы тебѣ покорились, а насъ Ногайцы обижаютъ, пришли къ намъ своихъ молодцовъ на помощь. Мы вмѣстѣ Ногайцевъ покоримъ. А что мы твоихъ молодцовъ не обидимъ, такъ мы тебѣ клятву дадимъ“.

Ермакъ повѣрилъ ихъ клятвѣ и отпустилъ съ Иваномъ Кольцомъ 40 человѣкъ. Какъ пришли эти сорокъ человѣкъ, Татары бросились на нихъ и побили: казаковъ еще меньше стало.

Прислали другой разъ бухарскіе купцы вѣсть Ермаку, что они собрались къ нему въ Сибирь-городъ товаръ везти, да что имъ на дорогѣ Кучумъ съ войскомъ стоитъ и не пускаетъ ихъ пройти. Ермакъ взялъ съ собой 50 человѣкъ и пошёлъ очистить дорогу Бухарцамъ. Пришёлъ онъ къ Иртышу-рѣкѣ, и не на-

шёлъ Бухарцевъ. Остановился ночевать. Ночь была тёмная и дождь. Только полегли спать казаки: откуда не взялись Татары, бросились на сонныхъ, начали ихъ бить. Вскочилъ Ермакъ, сталъ биться. Ранили его ножомъ въ руку. Бросился онъ бѣжать къ рѣкѣ. Татары за нимъ. Онъ въ рѣку. Только его и видѣли. И тѣла его не нашли, и никто не узналъ, какъ онъ умеръ.

На другой годъ пришло царское войско, и Татары замирились.

Сухманъ. (Стихи—сказка.)

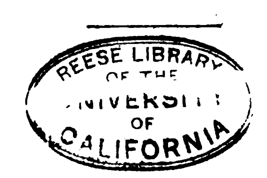
Какъ у ласкова князь-Владиміра
Пированье шло, шёлъ почёстенъ пиръ
На боярь, князей, добрыхъ молодцевъ.
На пиру-то всѣ порасхвастались:
Одинъ хвастаетъ золотой казной,
Другой хвастаетъ что добрымъ конёмъ,
Сильный хвастаетъ своей силой,
Глупый хвастаетъ молодой женой,
Умный хвастаетъ старой матерью.
За столомъ сидитъ, призадумавшись,
Богатырь Сухманъ Одихмантьевичъ,
И ничѣмъ Сухманъ онъ не хвастаетъ.
Тутъ Владиміръ-князь, красно солнышко,
Самъ по горенкѣ онъ похаживa(е)тъ,
Желтыми кудрями онъ потряхива(е)тъ,
Одихмантьичу выговарива(е)тъ:
„Что, Сухмантьюшка, ты задумался?
„Что не ѣшь, не пьешь и не кушаешь,
„Бѣлой лебеди ты не рушаешь
„И ничѣмъ въ пиру ты не хвастаешь?“
Взговорилъ Сухманъ таковы слова:
— „Если хвастать мнѣ ты приказываешь,
— „Привезу-жъ тебѣ я, похвастаю,
— „Лебедь бѣлую не кровавлену
— „И не ранену, а живьёмъ въ рукахъ“.
И вставалъ Сухманъ на рѣзвы ноги

Онъ сѣдлалъ коня своего дòбраго,
Выѣзжàлъ Сухманъ ко синю̀ морю,
Ко синю̀ морю, къ тихимъ зàводямъ.
Подъѣзжàлъ Сухманъ къ первой зàводи,
Не наѣзживалъ бѣлыхъ лѐбедей.
Подъѣзжàлъ Сухманъ къ другой зàводи,
Не нахàживалъ гусей-лѐбедей
И у трѐтьей тихой зàводи—
Нѣтъ сѣрыхъ гусей, бѣлыхъ лѐбедей.
Тутъ Сухмàнтьюшка призадỳмался:
„Какъ поѣду я въ славный Кіевъ-градъ?
„Что сказàть будетъ князь-Владѝміру?"
И поѣхалъ онъ къ мàть Нѣпрѣ-рѣкѣ:
Глядь, течѐтъ Нѣпра не по стàрому,
Не по стàрому, не по прѐжнему,
А водà съ пескомъ въ ней смутѝлася.
Тутъ Нѣпрỳ-рѣку Сухманъ спрашивàлъ:
„Что течѐшь ты такъ, мать Нѣпрà-рѣка,
„Не по стàрому, не по прѐжнему,
„А водà съ пескомъ помутѝлася?"
Испровѣщится мать Нѣпрà-рѣка:
„Я затѣмъ теку не по старому,
„Не по прѐжнему, по старѝнному,
„Что стоя̀тъ за мной, за Нѣпрòй-рѣкой,
„Сорокъ тысячей злыхъ Татàровей.
„Они мòстъ мостятъ съ утра дò ночи.
„Что намòстятъ днемъ, то въ ночь вы̀рою,
„Да изъ сѝлъ ужъ я выбивàюся".
Взговорѝлъ Сухманъ таковы̀ слова:
„То не чѐсть хвала молодѐцкая—
„Не отвѣдать мнѣ силъ татàрскіихъ".
И пустѝлъ коня своего дòбраго.
Чрезъ Нѣпрỳ-рѣку перескàкивалъ,
Не мочѝлъ копытъ его дòбрый конь.
Подбѣжàлъ Сухманъ ко сырỳ дубу,

Ко сыру́ ду́бу, кряковистому,
Дубъ съ ко́реньями вывора́чивалъ,
А съ комля́ дуба бѣлый со́къ бѣжалъ;
Ту дуби́ночку за верши́ну бралъ
И пусти́лъ коня на Тата́ровей.
Сталъ Сухма́нтьюшка повора́чивать,
Той дуби́ночкой сталъ пома́хивать.
Какъ махнётъ впередъ—станетъ у́лица,
Отвернётъ назадъ—переу́лочекъ.
Всѣхъ поби́лъ Татаръ Одихма́нтьевичъ,
Убѣжа́ло ли три Тата́рченка,—
Подъ кусто́чками, подъ ра́китовыми
У Нѣпры-рѣки схорони́лися.
Подъѣзжа́лъ Сухманъ къ мать Нѣпрѣ-рѣкѣ,
Изъ-подъ ку́стиковъ въ Одихма́нтьича
Три Тата́рченка стрѣлки пу́стили
Во его́ бока, въ тѣло бѣлое.
Свѣтъ-Сухма́нтьюшка стрѣлки вы́дернулъ
Изъ свои́хъ боковъ, изъ крова́выхъ ранъ,
Листьемъ ма́ковымъ позаты́кивалъ,
И споро́лъ ножемъ трехъ Тата́рченковъ.
Пріѣзжа́лъ Сухманъ къ князь-Вла́диміру.
Привяза́лъ коня на дворѣ къ столбу,
Самъ входи́лъ Сухманъ во столо́вую.
Тутъ Влади́міръ-князь, красно солны́шко,
Самъ по го́ренкѣ онъ похаживаетъ,
Одихма́нтьичу выгова́риваетъ:
„Что-жъ, Сухмантьюшка, не привёзъ ты мнѣ
„Лебедь бѣлую, не кровавлену?“
Взговори́тъ Сухманъ таковы́ слова:
„Гой, Влади́міръ-князь, за Нѣпро́й-рѣкой
„Доходи́ло мнѣ не до лёбедей.
„Повстрѣча́лась мнѣ за Нѣпро́й-рѣкой
„Сила ра́тная въ сорокъ ты́сячей:—
„Шли во Кіевъ-градъ злы Тата́ровья,

„Съ утра до ночи мосты ладили,
„А Непра-рѣка вырывала въ ночь,
„Да изъ силъ она выбивалася.
„Я пустилъ коня на Татаровей
„И побилъ ихъ всѣхъ до единаго“:
Володиміръ князь, красно солнышко,
Тѣмъ словамъ его не увѣровалъ,
Приказалъ слугамъ своимъ вѣрныимъ
Брать Сухмантія за бѣлы руки,
Въ погреба сажать во глубокіе;
А Добрынюшку посылалъ къ Непрѣ
Про Сухмантьевы свѣдать заработки.
Всталъ Добрынюшка на рѣзвы ноги,
Онъ сѣдлалъ коня своего добраго,
Выѣзжалъ въ поле къ мать Непрѣ-рѣкѣ
Увидалъ—лежитъ сила ратная,
Въ сорокъ тысячей, вся побитая.
И валяется дубъ со кореньями,
На лучиночки весь исщепанный.
Дубъ Добрынюшка подымалъ съ земли,
Привозилъ его ко Владиміру,
Такъ Добрынюшка выговаривалъ:
„Правдой хвастаетъ Одихмантьевичъ:
„За Непрой-рѣкой я видалъ—лежатъ
„Сорокъ тысячей злыхъ Татаровей,
„И дубиночка Одихмантьича
„На лучиночки вся исщеплена“.
Тутъ велѣлъ слугамъ Володиміръ-князь
Въ погреба идти во глубокіе,
Выводить скорѣй Одихмантьича,
Приводить къ себѣ на ясны очи;
Таковы слова выговаривалъ:
„За услуги тѣ за великія
„Добра молодца буду миловать,
„Буду жаловать его до люби

„Городàми ли съ пригорòдками,
„Еще сёлами да съ присёлками,
„Золотòй казной да безсчётною“.
Въ погребà идутъ во глубòкіе
Къ Одихмàнтьичу слуги вѣрные,
Говорятъ ему таковы слова:
„Выходи, Сухманъ, ты изъ пòгреба:
„Володиміръ-князь тебя милуетъ,
„За твои труды за великіе
„Хочетъ сòлнышко тебя жàловать
„Городàми ли съ пригорòдками,
„Еще сёлами да съ присёлками,
„Золотòй казной да безсчётною“.
Выходилъ Сухманъ во чистò поле,
Говорилъ Сухманъ таковы слова:
„Гой Владиміръ-князь, красно сòлнышко,
„Не умѣлъ меня въ пору миловать,
„Не умѣлъ же ты въ пору жàловать,
„А тепèрь тебѣ не видàть будетъ,
„Не видàть меня во ясны очи“.
И выдèргивалъ Одихмàнтьевичъ
Изъ кровàвыхъ ранъ листье мàково,
Свѣтъ-Сухмàнтьевичъ приговàривалъ:
„Потеки рѣка отъ моèй крови,
„Отъ моèй крови отъ горючія,
„Отъ горючія, отъ напрàсныя,
„Потеки Сухманъ, ахъ Сухмàнъ-рѣка,
„Будь Нѣпрѣ-рѣкѣ ты роднà сестра“.

208223
Tolstoi

